

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации
45.04.02 Лингвистика
45.04.02.01.00 Межкультурная коммуникация и перевод

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ О.В. Магировская
« _____ » _____ 2017 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**СТРАТЕГИИ ВЕЖЛИВОСТИ В АКАДЕМИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ**
(на материале научных дискуссий на японском и русском
языках)

Магистрант	_____	Ю. С. Иванова
Научный руководитель	_____	канд. филол. наук, зав. кафедрой вост. яз. Е. В. Чистова
Консультант по японскому языку	_____	ст. преп. каф. вост. яз. И. А. Рабцевич
Нормоконтролер	_____	М. К. Мжельских

Красноярск 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В ЛИНГВИСТИКЕ, ЕЁ КУЛЬТУРНО СПЕЦИФИЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И РЕАЛИЗАЦИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	7
1.1. Категория вежливости в различных лингвокультурах	7
1.1.1. Подходы к пониманию вежливости в современной лингвистике	7
1.1.2. Стратегии вежливости и языковые средства их реализации в японской и русской лингвокультурах.....	15
1.2. Категория вежливости в академическом дискурсе	21
1.2.1. Академический дискурс как разновидность институционального общения.....	21
1.2.2. Специфика академического дискурса в японской и русской лингвокультурах	27
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	31
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ВЕЖЛИВОСТИ В ЯПОНСКОМ И РУССКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	33
2.1. Анализ коммуникативных стратегий вежливости устного академического дискурса в японской лингвокультуре	33
2.2. Анализ коммуникативных стратегий вежливости устного академического дискурса в русской лингвокультуре	45
2.3. Сравнительный анализ предпочтительных стратегий вежливости в устном академическом дискурсе японской и русской лингвокультур	53
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	58
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	60
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	64
ПРИЛОЖЕНИЯ.	70

ВВЕДЕНИЕ

Вежливость представляет собой важнейшую коммуникативную компетенцию, оказывая заметное влияние на успешность коммуникации в целом. Освоение норм вежливости является одним из ключевых элементов инкультурации, вхождения индивида в общество и принятия его установок. Однако, как отмечают исследователи, нормы вежливости варьируются от культуры к культуре; отличия между такими нормами обуславливают разницу в ожиданиях коммуникантов, принадлежащих к различным лингвокультурам. Такая разница способна негативно повлиять на оценку высказываний одного из коммуникантов, не соответствующую принятым в данной лингвокультуре нормам вежливости, и в конечном итоге привести к коммуникативной неудаче.

Однако, помимо культурных особенностей, на реализацию языковой вежливости на практике оказывают влияние характеристики конкретного дискурса, в рамках которого происходит коммуникация. Для различных видов дискурса характерны различные нормы и статусно-ролевые характеристики его участников; эти параметры заданы более жёстко для различных видов институционального дискурса, в том числе академического дискурса. В то же время, общие черты академического дискурса в различных лингвокультурах (его дискурсивно-интегративные признаки) могут проявиться в схожести коммуникативных норм в данном дискурсе.

Настоящая работа призвана выявить, в какой степени дискурсивно-интегративные факторы оказывают влияние на выбор коммуникантами языковых средств для реализации вежливости в устном академическом дискурсе. Для этого анализируются сходства и различия в выборе таких средств между японской и русской лингвокультурами.

Актуальность данной работы обусловлена существующей в современном мире тенденцией к глобализации и более активной межкультурной коммуникации между представителями японской и русской

лингвокультур (в том числе в академической среде), а также недостаточным количеством работ, посвящённым практическому сравнению стратегий вежливости, используемых в рассматриваемых лингвокультурах.

Целью настоящего исследования является сопоставление предпочтительных стратегий вежливости в устном академическом дискурсе японской и русской лингвокультур.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **задачи**:

– изучить основные подходы к пониманию лингвистической категории вежливости, дать определение вежливости и стратегий вежливости;

– рассмотреть типичные стратегии вежливости и языковые средства их реализации в японской и русской лингвокультурах;

– дать определение академического дискурса, рассмотреть его особенности, оказывающие влияние на стратегии вежливости;

– указать особенности академического дискурса в рассматриваемых лингвокультурах;

– проанализировать языковой материал для определения предпочтительных стратегий вежливости в японском устном академическом дискурсе;

– проанализировать языковой материал для определения предпочтительных стратегий вежливости в русском устном академическом дискурсе;

– сравнить предпочтительные стратегии вежливости в устном академическом дискурсе японской и русской лингвокультур.

Объектом исследования в рамках настоящей работы являются стратегии вежливости в устном академическом дискурсе японской и русской лингвокультур.

Предметом исследования являются языковые средства, используемые для реализации стратегий вежливости в устном академическом дискурсе японской и русской лингвокультур.

Научная значимость данного исследования обусловлена недостаточной изученностью стратегий вежливости в японском академическом дискурсе, а также отсутствием достаточного количества работ, посвящённых сопоставлению предпочтительных коммуникативных стратегий вежливости в японской и русской лингвокультурах.

Практическая значимость работы заключается в подробном рассмотрении предпочтительных коммуникативных стратегий вежливости, используемых носителями обеих лингвокультур, и средств их реализации. Материалы, полученные в результате исследования, позволят студентам, изучающим японский язык, профессиональным переводчикам, а также другим участникам межкультурного академического дискурса совершенствовать коммуникативные компетенции.

Материал для исследования получен транскрибированием видеозаписей научных дискуссий, опубликованных на официальных каналах академических учреждений на веб-сайте Youtube. Для русского академического дискурса были обработаны видеозаписи общей продолжительностью 247 минут; для японского академического дискурса – видеозаписи общей продолжительностью 194 минуты.

Основными **методами** исследования в настоящей работе являются дискурс-анализ, сопоставительный анализ, описательный и интерпретационный методы.

Теоретическую основу работы составляют труды отечественных и зарубежных лингвистов: П. Браун и С. Левинсона, Дж. Лича, М. Хо и Я. Обана, М. Усами, Т. Кумагаи, Т. В Лариной, В. И. Карасика, М. Л. Макарова, Л. В. Куликовой, Н. Г. Бурмакиной, И. П. Хурыз.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на научно-практической конференции «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» (Красноярск, 2017 г.).

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав и заключения.

Введение раскрывает актуальность, определяет цели и задачи исследования, его объект, предмет и методы, раскрывает теоретическую и практическую значимость работы.

В первой главе рассматриваются различные подходы к вежливости, приводится определение вежливости, «лица» и стратегий позитивной и негативной вежливости; указаны особенности реализации вежливости в изучаемых лингвокультурах. Помимо этого, в первой главе рассматриваются характеристики академического дискурса с точки зрения категории вежливости и рассматриваются особенности её реализации в японской и русской лингвокультурах. Во второй главе представлены результаты анализа языкового материала, а именно предпочтительные стратегии вежливости в анализируемом дискурсе и языковые средства их реализации. В завершение проводится сравнительный анализ предпочтительных стратегий вежливости в устном академическом дискурсе в японской и русской лингвокультурах.

В заключении подводятся итоги исследования, формируются окончательные выводы по исследуемой теме, рассматриваются перспективы дальнейших исследований в данной области.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В ЛИНГВИСТИКЕ, ЕЁ КУЛЬТУРНО СПЕЦИФИЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И РЕАЛИЗАЦИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

1.1. Категория вежливости в различных лингвокультурах

1.1.1. Подходы к пониманию вежливости в современной лингвистике

Вежливость – комплексное, разностороннее понятие, подлежащее рассмотрению с точки зрения целого ряда гуманитарных наук, таких как социология, антропология, социолингвистика, прагматическая лингвистика. Учёными предложены различные подходы к определению вежливости. Среди них можно отметить понимание вежливости как поведения, соответствующего определённым социальным нормам (Б. Фрейзер); как ряда принципов (максим) коммуникации (Г. П. Грайс, Дж. Лич, Р. Лакофф); наконец, как поведения, направленного на поддержание позитивного образа партнёра, его «лица» (П. Браун, С. Левинсон) [Давыденко, Гаспарян, Джавалова, 2015: 137] [Власян, 2010: 29] [Свиридова, 2010]. Рассмотрим каждый из этих подходов подробнее.

Согласно Б. Фрейзеру, вежливость может рассматриваться как поведение, соответствующее неким нормам, или «конверсационному контракту» (“conversational contract”) [Fraser, 1990: 219–220]. Эти нормы могут быть как заданными социальными нормами, характерными для коммуникантов, так и устанавливаться непосредственно в ходе коммуникации. Такой подход, как указывает Б. Фрейзер, традиционно связывает вежливость со стилями речи, причём большая формальность соответствует большей вежливости.

Коммуникативные максимы, связанные с прагматическим подходом к коммуникации, впервые были предложены Г.П. Грайсом в его работе «Логика и речевое общение» (“Logic and conversation”, 1975). Г. П. Грайс сформулировал принцип кооперации: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая

цель (направление) этого диалога». В соответствии с этим принципом были обозначены четыре категории постулатов: количества (высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется), качества («Старайся, чтобы твое высказывание было истинным»), отношения («Не отклоняйся от темы») и способа («Выражайся ясно») [Грайс, 1985: 222–223]. При этом учёный указывает на то, что данные принципы сформулированы «таким образом, будто целью речевого общения является максимально эффективная передача информации; естественно, это определение слишком узко», и указывает на существование постулатов иной природы, в том числе этического постулата «Будь вежлив», способных оказывать влияние на коммуникацию [Грайс, 1985: 223].

Идеи Г. П. Грайса нашли своё развитие в работах Р. Лакофф. В частности, она дополняет принцип кооперации правилами вежливости, формирующими прагматическую компетенцию. По мнению Р. Лакофф, правила общения можно разделить на две категории: «излагай информацию ясно» (“Be clear”) и «будь вежлив» (“Be polite”). В то время, как первой категории соответствуют постулаты, предложенные Г. П. Грайсом, ко второй относятся правила вежливости, сформулированные самой Р. Лакофф, а именно: «не навязывайся» (“Don’t impose”), «предоставляй адресату право выбора» (“Give options”) и «будь дружелюбен» (“Make A feel good – be friendly”) [Lakoff, 1973]. Следует также отметить, что, по мнению Р. Лакофф, две указанные категории зачастую противоречат друг другу, и в таком случае выбор одной из них обусловлен целями коммуникации: если приоритетно поддержание социальных отношений, правила категории ясности могут быть нарушены в пользу правил категории вежливости.

Наконец, Дж. Лич в своей работе «Принципы прагматики» переосмысливает идеи Г. П. Грайса, предполагая ведущую роль принципа вежливости по сравнению с принципом кооперации. Это связано с тем, что именно принцип вежливости позволяет установить дружественные отношения между коммуникантами, что создаст основания для

кооперативной коммуникации: «если ты не будешь вежлив со своим соседом, канал коммуникации между вами разрушится». При этом вслед за Р. Лакофф учёный отмечает, что в зависимости от коммуникативной ситуации предпочтение может быть отдано как принципу кооперации (например, когда коммуниканты вовлечены в совместную деятельность, и для них равно важна точность передачи информации), так и принципу вежливости (например, когда в ответ на приглашение одного из коммуникантов другой из вежливости лжёт, ссылаясь на занятость) [Leech, 1983: 82].

Дж. Лич предлагает собственный набор максим, каждая из которых связана с определёнными типами речевых актов, предложенными Дж. Сёрлем: директивами, комиссивами, экспрессивами, репрезентативами.

1. Максима такта (в директивах и комиссивах): «а) минимизировать издержки другого, б) максимизировать пользу для другого». Эта максима связана с соблюдением границ личной сферы, уважением интересов собеседника.

2. Максима великодушия: «а) минимизировать пользу для себя, б) максимизировать собственные издержки». Данная максима направлена на необременение собеседника.

3. Максима одобрения: «а) минимизировать порицание в адрес другого, б) максимизировать похвалу в адрес другого». Данной максимой предполагается позитивность в оценке других.

4. Максима скромности: «а) минимизировать похвалу в свой адрес, б) максимизировать порицание в свой адрес».

5. Максима согласия: «а) минимизировать разногласия между собой и другим, б) максимизировать согласие между собой и другим».

6. Максима симпатии: «а) минимизировать антипатию между собой и другим, б) максимизировать симпатию между собой и другим» [Leech, 1983: 132].

Кроме того, Дж. Лич отмечает относительный характер вежливости, что проявляется в различии применения принципа вежливости в разных

культурах, а также в разных социальных группах внутри этих культур (в зависимости от гендера, социального статуса, возраста и т. д.).

Новый подход к пониманию вежливости был предложен П. Браун и С. Левинсоном в их работе «Вежливость: некоторые универсалии в употреблении языка» (“Politeness: Some Universals on Language Usage”). Данная работа стала основой для множества кросскультурных исследований и является одним из наиболее полных и непротиворечивых концепций вежливости в лингвистике [Власян, 2010: 37]. Её центральным понятием является т.н. «лицо» (face) – термин, заимствованный у социолога Э. Гоффмана и связанный с самооценкой человека. Учёные выдвигают предположение о том, что все компетентные взрослые члены общества обладают следующими атрибутами:

1. «Лицо» – публичный «образ самого себя», включающий два аспекта: позитивное лицо (это положительный образ, поддерживаемый коммуникантами, желание нравиться собеседнику) и негативное лицо (связано с личным пространством человека, нежелание принимать обязательства от других людей).

2. Способность к рациональному мышлению, заключающаяся в умении выбирать средства для достижения собственных целей [Brown, Lewinson, 1987: 61–62].

Одним из условий успешной коммуникации является стремление к сохранению её участниками как своего лица, так и лица собеседника. Тем не менее, в реальной коммуникации собеседники зачастую сталкиваются с угрозами для позитивного и/или негативного лица – т.н. ликоугрожающими актами (face-threatening acts). В зависимости от типа лица и коммуниканта эти акты можно классифицировать следующим образом:

1. Угроза позитивному лицу говорящего (извинения, признания и пр.).
2. Угроза негативному лицу говорящего (обещания, принятие предложения и пр.).

3. Угроза позитивному лицу слушающего (порицание, выражение непочтительности и пр.).

4. Угроза негативному лицу слушающего (приказы, советы, угрозы и пр.) [Brown, Lewinson, 1987: 65–68].

Следует отметить, что ликоугрожающие акты – это совершенно естественное явление, так как людям свойственно время от времени давать советы, выражать неодобрение по отношению к собеседнику. В связи с этим участники коммуникации предпринимают (или не предпринимают) усилия для минимизации ущерба собственному лицу и/или лицу собеседника. Сохранение лица является одной из мотивов и/или целей речевой деятельности [Иссерс, 2008: 58–59], и для достижения этой цели могут быть использованы те или иные коммуникативные стратегии вежливости. Вежливость при этом представляет собой «часть стратегического вербального планирования, при этом под стратегиями понимается выбор синтаксических и лексических средств для достижения коммуникативной цели» [Коробова, 2014]. Е. М. Ручкина указывает, что стратегии вежливости представляют собой «метакоммуникативные стратегии, используемые для достижения коммуникативных целей, таких как реализация и поддержание интеракции» [Ручкина, 2008].

Под стратегиями вежливости в настоящей работе понимается выбор тех или иных языковых средств и осуществление речевых актов таким образом, чтобы с их помощью достичь одну из целей коммуникации – сохранение (поддержание) лица коммуникантов.

Стратегии вежливости выбираются в зависимости от «опасности» того или иного ликоугрожающего акта [Brown, Lewinson, 1987: 69]:

- 1) «прямой», открытый ликоугрожающий акт;
- 2) использование стратегий позитивной вежливости;
- 3) использование стратегий негативной вежливости;
- 4) скрытый ликоугрожающий акт;
- 5) отказ от ликоугрожающего акта.

Учёные отмечают, что опасность тех или иных речевых актов не является постоянной величиной и зависит от ряда переменных. К этим переменным относятся:

- 1) социальная дистанция (D) между говорящим (S) и слушающим (H);
- 2) относительная власть (P) говорящего над слушающим;
- 3) степень обременения (ranking of the imposition, R), вызванного речевым актом.

Как отмечалось выше, теория вежливости П. Браун и С. Левинсона является одной из наиболее значительных и продуктивных в лингвистике. Тем не менее, данная теория, хоть и включает в рассмотрение кросскультурный аспект, главным образом сосредоточена на универсальной её стороне. Критики отмечают, что в связи с этим работа П. Браун и С. Левинсона в действительности отразила «евроцентричный» подход к понятию «лица». Так, модель П. Браун и С. Левинсона подвергается критике в связи с чрезмерным индивидуализмом, несвойственным ряду культур (в том числе японской), где «нормы поведения ориентированы не на сохранение лица индивида, а на сохранение лица группы» [Ларина, 2009: 151–152] [Naugh, Obana, 2011: 151].

Исследователи отмечают и другие недостатки универсальной теории вежливости П. Браун и С. Левинсона, предлагая направления для дальнейших исследований вежливости.

1. В рамках этой теории проявление вежливости в коммуникативной деятельности рассматривается на уровне предложений и высказываний (изучаются фрагменты языкового материала длиной в 1-2 высказывания), но не на уровне диалога [Xu, 2014] [Usami, 2008]. Отмечается необходимость изучать феномен вежливости на более длинных фрагментах коммуникации.

2. Более длинные фрагменты подразумевают необходимость использования реального («естественного») языкового материала.

3. Необходимо изучать коммуникативное поведение, направленное на сохранение лица не только слушающего, но и говорящего.

4. Необходимо изучать не только ликоугрожающие, но и ликосохраняющие акты (Face Boosting Acts, FBA).

5. Необходимо наряду с феноменом вежливости изучать феномен невежливости (politeness/inpoliteness).

6. Необходимо рассматривать «эффект вежливости» (ポライトネス効果, *пораитонэсу ко:ка*), связанный с успешностью/неуспешностью истолкования слушающим выбранной говорящим стратегии вежливости [Usami, 2008]. Этот эффект определяется «результатами или последствиями социального взаимодействия, вне зависимости от того, является ли данный результат преднамеренным, осознанно планируемым» [Иссерс, 2008: 60].

Японская исследовательница Усами Маюми дополняет понимание вежливости, предложенное П. Браун и С. Левинсоном, вводя термины «маркированная вежливость» и «немаркированная вежливость» (有標/無標ポライトネス, *ю:хэ:/мухэ: пораитонэсу*, marked/unmarked politeness). Маркированная вежливость представляет собой выбор языковых средств, направленный на снижение степени угрозы ликоугрожающего акта, т.е. представляет собой подход к вежливости из теории Браун и Левинсона. Немаркированная вежливость же представляет собой выбор языковых средств, направленных на поддержание коммуникации в естественном состоянии («не особенно вежливая и не невежливая») [Usami, 2003].

Опираясь на понимание вежливости, предложенное П. Браун и С. Левинсоном, Т.В. Ларина в своей монографии «Категория вежливости и стиль коммуникации» рассматривает национальную специфику стратегий вежливости в английской и русской лингвокультурах. Т. В. Ларина указывает, что на выбор средств для языковой реализации категории вежливости оказывает значительное влияние коммуникативный этностиль, представляющий собой «закрепленные традицией коллективные привычки народа, проявляющиеся в выборе и предпочтительности употребления в процессе межличностного взаимодействия тех или иных коммуникативных

стратегий и средств коммуникации (как вербальных, так и невербальных)» [Ларина, 2009: 18]. На определяющую роль культурно-специфичных особенностей указывает и И. П. Хутиз [Хутиз, 2014]; Л. В. Куликова отмечает, что национальный коммуникативный стиль, рассматриваемый как «устойчивая совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтекстом коммуникации», проявляется «в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка» [Куликова, 2006].

Вежливость, согласно Т. В. Лариной, также является культурно-специфичным явлением; она является «центральной коммуникативной категорией, поскольку выступает регулятором поведения людей и предопределяет выбор единиц вербальной и невербальной коммуникации».

Определение вежливости, предложенное Т. В. Лариной и используемое в настоящей работе, звучит следующим образом: «универсальная коммуникативная категория, представляющая собой систему национально специфических стратегий поведения, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих ожиданиям партнера» [Ларина, 2009: 19].

Таким образом, вежливость является весьма неоднородным и разносторонним явлением, подлежащим изучению в рамках различных гуманитарных дисциплин. С точки зрения лингвистической науки (в частности, прагмалингвистики) представляет интерес рассмотрение языкового проявления этого феномена в форме выбора тех или иных коммуникативных стратегий. Кроме того, вежливость обладает как универсальными, так и культурно специфичными особенностями. В рамках настоящей работы, не отвергая универсального характера вежливости, мы рассмотрим различия в способах её реализации в рамках двух лингвокультур (японской и русской).

1.1.2. Стратегии вежливости и языковые средства их реализации в японской и русской лингвокультурах

Рассмотрев различные подходы к пониманию феномена вежливости, перейдём к описанию конкретных стратегий и средствам их реализации в изучаемых лингвокультурах.

П. Браун и С. Левинсон в своей работе предложили ряд стратегий позитивной и негативной вежливости (или, как называет их Т. В. Ларина, вежливости сближения и дистанцирования). Стратегии позитивной вежливости представляют собой коммуникативные стратегии, направленные на сокращение дистанции, на устранение интерперсональных границ, на взаимность, сотрудничество, взаимопонимание; стратегии негативной вежливости, с другой стороны, направлены на поддержку личной автономии собеседника, его независимости. Основные стратегии, представленные П. Браун и С. Левинсоном, приведены в Таблице 1.

Таблица 1. Стратегии вежливости, предложенные Браун и Левинсоном

Стратегии позитивной вежливости	Стратегии негативной вежливости
<ol style="list-style-type: none">1. Замечайте слушающего, уделяйте внимание ему, его интересам, желаниям, потребностям и т. д.2. Преувеличивайте интерес к собеседнику, одобрение, симпатию.3. Демонстрируйте подчеркнутый интерес к собеседнику.4. Подтверждайте общую точку зрения, общее мнение, отношение, знание, эмпатию.5. Ищите согласия.6. Избегайте разногласия.7. Будьте оптимистичны.8. Предполагайте и утверждайте взаимность.9. Включайте в действие как говорящего, так и слушающего.10. Дарите слушающему «подарки», материальные (вещи) и эмоциональные	<ol style="list-style-type: none">1. Используйте косвенную речь.2. Задавайте вопросы, смягчайте прямолинейные высказывания.3. Предоставляйте слушающему выбор, возможность не совершать действие.4. Минимизируйте свои предположения о желании адресата совершить действие.5. Будьте пессимистом.6. Минимизируйте степень вмешательства.7. Выводите говорящего и слушающего из дискурса.8. Представляйте ликоугрожающий акт как общее правило.9. Извиняйтесь.10. Используйте фамилии и титулы.11. Будьте немногословны.

<p>(сочувствие, понимание, поддержку). 11. Используйте маркеры групповой принадлежности. 12. Обращайтесь к собеседнику по имени. 13. Используйте язык или диалект, на котором говорит собеседник. 14. Будьте разговорчивы.</p>	
--	--

Рассмотрим систему языковых средств, с помощью которых те или иные стратегии вежливости реализуются в японской и российской лингвокультурах.

Феномен вежливости в японской лингвокультуре и его языковое выражение стали предметом изучения множества исследователей. Значительная часть таких исследований посвящена *кэйго* – «традиционная система форм вежливости, которые отображаются как на лексическом, так и на грамматическом уровне» [Алпатов, 2008]. Кэйго – это комплекс языковых средств, принимающих во внимание и выражающих заботу о межличностных отношениях между адресантом и адресатом [Ozaki, 2008]. Использование кэйго тесно связано со статусом коммуникантов (параметрами «власть» и «социальная дистанция» из теории П. Браун и С. Левинсона); оно репрезентует социально-дейктический статус коммуникантов (информации об уровне социальной дистанции по четырем осям: к референту, адресату, слушателям (присутствующим), а также к обстановке или ситуации в целом) [Макаров, 2003]. В этой группе языковых средств можно выделить три подгруппы: тэйнэйго (丁寧語 *тэйнэйго*) – нейтрально-вежливая лексика; кэндзёго (謙讓後 *кэндзё:го*) – скромно-почтительная лексика (пейоративная, принижающая говорящего); сонкэйго (尊敬語 *сонкэйго*) – учтивая лексика (мелиоративная, возвышающая слушающего) [Молчанова, 2006].

На лексическом уровне кэйго представлен специальными лексемами сонкэйго и кэндзёго. Так, нейтральному глаголу 行く (*ику* – идти, ехать) в

учтливой лексике соответствует *いらっしゃる (ирассяру)*, а в скромно-почтительной – *参る (маиру)*.

На грамматическом уровне вежливой речи присуще использование префиксов (*お o*, *御 go*), суффиксов (*さん сан*, *さま сама*), специальной формы глагола (*ます形 масукэй*– глагол в конце предложения заканчивается на *ます масу*), пассивного залога и пр.

Исследователи отмечают сложность и неоднозначность связи между кэйго и феноменом вежливости. Так, использование кэйго не всегда означает наличие ликоугрожающего акта; выбор данных лексем может преследовать другие цели, в т.ч. обозначение дополнительной информации, маркирование статуса говорящего в рамках дискурса и пр. [Naugh, Obana, 2011]. Кроме того, использование учтливой или скромно-почтительной лексики представляет собой немаркированную вежливость; маркированная вежливость, чаще выражается при помощи нейтрального стиля речи.

Проявление вежливости в японской лингвокультуре не исчерпывается использованием кэйго; так, даже в неформальной речи могут быть использованы «выражения, используемые в коммуникации, основанной на взаимном уважении, с учётом обстоятельств и социального статуса собеседника» – *кэйихёгэн (敬意表現, кэйихё:гэн «вежливые выражения»)*. Так, высказывание (2) более вежливо, чем высказывание (1), при этом оба высказывания не используют кэйго:

これコピーして。 *Корэ копи: ситэ.*

Сделай копию.

(1)

忙しいときに悪いんだけど、これコピーしてくれない？

Исогаси токи ни варунда кэдо, корэ копи: ситэ курэнаи?

Прости, что отвлекаю от дел. Не сделаешь мне копию?

(2)

К таким «вежливым выражениям» могут относиться лексические средства (忙しいときに悪い *прости, что отвлекаю от дел*), а также ряд грамматических средств (вопрос с отрицательной формой глагола; частица *ん*, косвенная речь и пр.) средства выражения вежливости [Lee, 2016] [Ito, 2013] [Ishiguro, 2015].

На уровне текста используются следующие стратегии вежливости:

1. Изменение стиля речи (с кэйго на нейтральный стиль (普通形 *фуцу:кэй*) и/или наоборот). Переход на обычный стиль речи позволяют «сократить дистанцию» между говорящим и слушающим, таким образом, представляя собой стратегию позитивной вежливости. Следует отметить, что при этом, как правило, говорящий вне зависимости от возраста/статуса собеседника стремится вернуться к «исходному состоянию» немаркированной вежливости (кэйго) [Usami, 2001: 18–20]. Такой паттерн позволяет предположить большую социальную дистанцию между коммуникантами в японской лингвокультуре.

2. Для японской лингвокультуры характерно использование паттерна «взаимного сохранения лица» (相互挟助的なフェイス保持パターン *со:го кё:дзётэки на фэйсу хоти пата:н*), который заключается в отказе говорящего от сохранения собственного лица – эта задача возлагается на собеседника. Когда один из коммуникантов своим высказыванием создаёт угрозу собственному лицу, его собеседник в ответном высказывании предпринимает усилия по сохранению лица первого коммуниканта. Такие высказывания образуют адъясцентную пару [Kumagai, 2013: 32].

В целом широкое использование системы гонорификов и «вежливых выражений», стремление к «поддержанию дистанции» и неимпозитивность высказываний позволяют охарактеризовать японский коммуникативный стиль как дистантный, уклончивый, направленный на избежание конфликтов.

Перейдём к рассмотрению языковых средств выражения вежливости в русской лингвокультуре.

Как отмечают исследователи, для русской культуры важнейшими ценностями являются соборность, общинность, коллективность, общительность, гостеприимство, искренность, эмоциональность, непрагматизм, скромность. Т. В. Ларина отмечает следующие характеристики русского коммуникативного стиля:

– импозитивный (допустимо прямое коммуникативное воздействие на собеседника);

– прямой (с точки зрения способа выражения коммуникативных интенций);

– категоричный (при выражении мнения, отношения, совета, отказа и т. д.);

– центрированный (характеризуется ярко выраженной ориентированностью на самого говорящего);

– статусно ориентированный (приоритет часто отдается статусу, характерна асимметричность ролей, демонстрация неравенства коммуникантов), использование более почтительных форм общения в случае социальной или возрастной асимметрии [Кузьменкова, 2005];

– ориентированный на средний и низкий уровни вежливости (при симметричных отношениях, а также отношениях «сверху – вниз»);

– естественный (небольшая насыщенность нормами и нестрогое следование им), «простое доверительное и сердечное общение среди равных» [Кузьменкова, 2005];

– эмоциональный (характерно свободное проявление эмоций, часто без учета реакции собеседника; сознательная запланированная демонстрация эмоций, имеющая определенную коммуникативную установку, незначительна);

– информативный, ориентированный в большей степени на содержание, а не на форму (характерно совпадение семантики и прагматики высказываний);

– немногословный (в сфере фатической коммуникации) [Ларина, 2009].

Для реализации стратегий вежливости на грамматическом уровне могут быть использованы уменьшительно-ласкательные суффиксы (-к, -чек и т.д.), форма обращения *ты/Вы* [Ларина, 2009] [Королёва, 2015]. Весьма частотно в русской лингвокультуре использование императивных форм глаголов, что говорит о меньшей по сравнению с другими лингвокультурами предпочтительности стратегий негативной вежливости, снижающих степень обременения собеседника и предоставляющих ему возможность отклонить просьбу или предложение.

На лексическом уровне для реализации стратегий вежливости используются разнообразные языковые средства: маркер вежливости *пожалуйста*; лексические единицы, преуменьшающие значительность просьбы (*чуть-чуть, немного, слегка* и пр.), интенсификаторы (*очень, бога ради* и т.п.), эмоционально окрашенная оценочная лексика (*приятно, хорошо* и пр.), разнообразные формы обращений, подтверждающие групповую идентичность, и даже сквернословие [Власян, 2015] [Ларина, 2009]. Отметим, что, несмотря на отмеченную Т. В. Лариной эмоциональность русского коммуникативного этностиля и предпочтения, отдаваемого стратегиям позитивной вежливости, представители русской лингвокультуры в целом сдержаны в комплиментах.

На синтаксическом уровне могут быть использованы вопросительные предложения и вопросы с отрицанием, условные предложения, побудительные конструкции [Дроздова, 2015] [Ларина, 2009]; отметим, что использование императива, как отмечалось ранее, более характерно для данной лингвокультуры [Ларина, 2009]. Кроме того, в русской лингвокультуре менее частотно использование лексико-синтаксических модификаторов, снижающих категоричность высказывания (ср. англ. *I think, I guess – я думаю, что..., я считаю, что...*). Стратегии негативной вежливости (дистанцирования) в русской лингвокультуре используются, как правило, весьма незначительно.

1.2. Категория вежливости в академическом дискурсе

1.2.1. Академический дискурс как разновидность институционального общения

Из приведённого выше описания категории вежливости следует, что данная коммуникативная категория и связанный с ней выбор языковых средств процессе коммуникации находятся в зависимости от ряда экстралингвистических факторов, указанных П. Браун и С. Левинсоном, а именно власти говорящего над слушающим, а также социальной дистанции между ними. В связи с этим данную категорию целесообразно рассматривать с учётом *дискурса*.

Понятие дискурса является весьма ёмким, многомерным, междисциплинарным; оно рассматривается с позиций лингвистики, культурологии, психологии, социологии, философии, антропологии и других наук. В современной лингвистике учёными предлагается ряд определений дискурса: «текст в ситуации реального общения» (В. И. Карасик), «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определённом когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» (В. Е. Чернявская), «сложное коммуникативное явление, в которое, помимо текста, включаются экстралингвистические факторы: знания о мире, мнения, цели и установки адресата, необходимые для понимания текста» (Т. ван Дейк). Сообразно с целями и задачами настоящей работы мы конкретизируем такое широкое понимание дискурса; рассматривая категорию вежливости с точки зрения прагмалингвистики, мы используем предложенный В. И. Карасиком прагмалингвистический подход к пониманию дискурса с вовлечением в анализ способа общения ряда конкретных прагмалингвистических категорий, таких как участники общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики) и сфера общения (сфера общения,

коммуникативная среда) [Карасик, 2002: 199–201]. Таким образом, в настоящей работе под дискурсом понимается коммуникация с учётом статусно-ролевых характеристик её участников, а также особенностей коммуникативной среды.

Выстраивая типологию видов дискурса, ряд учёных выделяет персональный и институциональный виды дискурса. Так, В. И. Карасик указывает, что «институциональный дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений» [Карасик, 2000]. Институциональный дискурс основан на коммуникации агента и клиента, являющихся основными участниками дискурса; под агентом учёный понимает представителя института, а под клиентом – человека, обращающегося к агенту. Так, можно назвать следующие пары «агент – клиент» для разных типов институционального дискурса: «учитель и ученик, врач и пациент, политик и избиратель, священник и прихожанин» [Карасик, 2000].

Говоря об институциональном дискурсе, необходимо уточнить понимание слова «институт». Так, понятие социального института раскрывается учеными как «комплекс норм, правил, символов, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, с помощью которых удовлетворяются основные жизненные и социальные потребности» [Волков, Добреньков, Нечипуренко, Попов, 2003]. Кратко характеризуя понятие института, М. Л. Макаров определяет его как «разновидность конвенции»; это представляет собой культурно-специфическую нормативно организованную конвенциональную систему форм деятельности, обусловленную общественным разделением труда, а также предназначенную для удовлетворения особенных потребностей общества» [Макаров, 2003].

М. Л. Макаров называет следующие характерные черты институционального дискурса:

– ориентация на структуру;

- максимум речевых ограничений;
- относительно фиксированная мена коммуникативных ролей;
- примат глобальной организации;
- целей немного, и они обычно имеют глобальный характер [Макаров, 2003: 176].

Типы институционального дискурса, согласно В. И. Карасику, выделяются на основании целей и участников общения. Ученый называет следующие типы институциональные дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный [Карасик, 2000]. При этом он замечает, что указанный список может быть изменен или дополнен в связи с неоднородностью социальных институтов, их различным характером. Рядом других ученых (Л. В. Куликова, Я. В. Зубкова, Н. Г. Бурмакина, Д. Д. Дроздова) педагогический и научный типы объединяются в академический дискурс, который определяется как «нормативно организованное речевое взаимодействие, обладающее как лингвистическим, так и экстралингвистическим планами, использующее определённую систему профессионально-ориентированных знаков, учитывающее статусно-ролевые характеристики основных участников общения» [Куликова, 2006] «профессионально-педагогическое общение в высшем учебном заведении, нацеленное на подготовку специалистов высокой квалификации» [Зубкова, 2009]. Лексема «академический», как указывает Н. Г. Бурмакина, «употребляется применительно к сфере высшего образования и к теоретической исследовательской деятельности» [Бурмакина, 2014]. В настоящей работе мы будем придерживаться именно этой точки зрения, определяя академический дискурс как «совокупность коммуникативных явлений в рамках взаимодействия субъектов научной и педагогической сфер деятельности» [Бурмакина, 2010].

Карасик называет ряд признаков, по которым можно охарактеризовать конкретный тип институционального дискурса:

- участники;
- хронотоп;
- цели;
- ценности;
- стратегии;
- материал и т.д. [Карасик, 2000].

Р. С. Аликаев и С. Х. Карчаева также отмечают, что социальные нормы научного дискурса регламентированы «по таким параметрам, как участники научнообщения, тип ситуации общения» [Аликаев, Карчаева, 2009: 63].

Говоря об участниках научного дискурса, В. И. Карасик указывает, что в данном случае диада «агент–клиент» размыта: агент-учёный может выступать в различных ипостасях и обращаться к различным клиентам. Действительно, адресатом (слушающим) в коммуникации в очерченных нами рамках академического дискурса могут выступать самые разные группы людей: студенты, коллеги-учёные, широкая публика (например, на публичных лекциях). Очевидно, тип слушателя коррелирует с конкретными жанрами академического дискурса (лекция, экзамен, конференция, публичная лекция и т.п.).

В рамках настоящей работы особо важным параметром участников научного дискурса представляется их статусно-ролевые характеристики. Под социальным статусом понимается совокупность постоянных, а также социально-демографических характеристик коммуникантов [Швейцер, Никольский, 1978], подчиненное либо доминирующее положение в иерархии социальной систем. Социальный статус оказывает непосредственное влияние на выбор языковых средств: так, В. И. Карасик отмечает, что речь коммуникантов с более низким статусом характеризуется большей сложностью и длиной. Статус коммуникантов является важнейшим фактором выбора лингвистических средств и при реализации стратегий вежливости: он

тесно связан с параметрами «власть говорящего над слушающим», а также «социальная дистанция между коммуникантами», таким образом оказывая влияние на степень угрозы «лицу» слушающего, возникающую вследствие того или иного речевого акта, и выбор стратегии вежливости, призванной уменьшить эту угрозу.

Социальная роль, по определению Н. Г. Бурмакиной, представляет собой «совокупность ожиданий других людей относительно поведения и языкового репертуара человека, обладающего определенным статусом» [Бурмакина, 2014]. Такая совокупность ожиданий обуславливает выбор языковых средств немаркированной вежливости; так, даже при отсутствии ликоугрожающих актов в речи коммуникантов с различными социальными ролями (например, «преподаватель» и «ученик») будут прослеживаться обусловленные ролями различия в использовании языковых средств.

Хронотоп академического дискурса определяется лежащим в его основе социальным институтом. Академический дискурс может иметь место, например, в аудиториях, кабинетах, на кафедрах, в залах заседаний – основных местах осуществления педагогической и научной деятельности.

Основными целями академического дискурса можно назвать подготовку специалистов высокой квалификации [Зубкова, 2009] и «вывод нового знания о предмете, явлении, их свойствах и качествах» [Аликаев, Карчаева, 2009]. Обобщая указанные цели, соответствующие педагогической и научной деятельности, Н. Г. Бурмакина формулирует стратегическую цель академического дискурса как «сокращение асимметрии знаний» [Бурмакина, 2014]. Ключевые ценности этого типа дискурса – «истина», «знание», «исследование», «объективность».

Перечисленные ценности тесно связаны с такой характеристикой коммуникантов, как авторитетность. Эта характеристика, как указывает Н. Г. Бурмакина, является дискурсивно-интегративной и обуславливает ряд дискурсивных практик в рамках академического дискурса:

1. Практика повышения авторитетности научного исследования. Указанная практика предполагает использование безличных, неопределённо-личных и пассивных конструкций, ссылок на работы признанных специалистов в рассматриваемом вопросе, широкое упоминание специальной терминологии.

2. Дискурсивная практика презентации себя в качестве добросовестного исследователя. Подразумевает демонстрацию способности к рефлексии, указание говорящим слабых мест в своей работе.

3. Дискурсивная практика конструирования имиджа эксперта. Заключается в ряде коммуникативных приёмов, таких как резюмирование выступлений докладчиков, формулировка рекомендаций выступающему и пр.

4. Дискурсивная практика конструирования имиджа остроумного оратора. Связана с использованием средств иронии (преувеличение, игра слов и пр.), призывающих к смеху нарративов и пр.

5. Дискурсивная практика конструирования статуса исследователя-практика. Активно применяется практика самопрезентации в качестве человека, не только ведущего научную деятельность, но и совмещающий её с практической занятостью [Бурмакина, 2014].

Реализация вышеперечисленных дискурсивных практик связана с сохранением позитивного лица говорящего. Она может включать использование стратегий позитивной вежливости: так, например, использование средств иронии способствует сокращению дистанции между коммуникантами, созданию и укреплению групповой идентичности. Кроме того, возможное использование в адрес собеседника или собеседников ликоугрожающих актов (например, рекомендации выступающему) создаёт предпосылки для выбора и реализации стратегий позитивной или негативной вежливости для снижения угрозы «лицу» слушателя (слушателей). Следовательно, при выявлении предпочтительных стратегий вежливости представляется целесообразным принимать во внимание реализацию вышеназванных дискурсивных практик.

Указав ключевые характеристики академического дискурса, перейдём к рассмотрению культурно обусловленных его особенностей в японской и российской лингвокультурах.

1.2.2. Специфика академического дискурса в японской и русской лингвокультурах

Академическому дискурсу в японской лингвокультуре посвящено относительно немного исследований. В основном он рассматривается с практической точки зрения: так, ряд учёных исследуют академический японский язык (学術日本語 , *гакудзюцу нихонго*) в разрезе мультикультурализма, изучая проблему использования японского языка в академическом дискурсе (как устном, так и письменном) иностранными студентами, проходящими обучение в Японии (Takeda, Usa, Yamamoto и др.). В таких исследованиях представлена информация об ожиданиях других людей относительно коммуникативного поведения участников дискурса.

Следует отметить, что эти ожидания различны для письменного и устного академического дискурса. Так, Ё. Санмай указывает следующие ожидания относительно коммуникативного поведения для письменного академического дискурса:

1. Использование нейтрального стиля речи (вместо вежливого стиля).
2. Использование лексических средств литературного языка и *канго* (漢語) – китаизмов, отличающихся большей степенью формальности.
3. Частотное использование отглагольных послелогов-связок: *をめぐって* (*о мэгуттэ* – вокруг, относительно), *に関して* (*ни канситэ* – относительно, по поводу) и пр.
4. Использование более формальных союзов: *すなわち* (*сунавати* иными словами), *ゆえに* (*юэ ни* – по причине), *および* (*оёби* – а также) и пр.

5. Особая модальность высказываний: использование грамматических форм глаголов для снижения категоричности (отрицательная форма глагола или связки в вопросительном предложении; предположительное наклонение; использование ментальных перформативов).

6. Частотное использование страдательного залога.

Указанные черты письменного академического дискурса связаны с использованием стратегий позитивной (сохранение собственного лица – конструирование авторитетности) и негативной (снижение категоричности высказывания) вежливости.

Для устного академического дискурса характерны несколько другие ожидания. Основным отличием является использование вежливого стиля: как указывают Х. Ёсикава и Х. Хякутакэ, свыше 90% респондентов-преподавателей ожидают, что студенты при обращении к ним будут использовать вежливый стиль, 75% ожидают использования учтивой речи (*сонкэйго*). Здесь, впрочем, следует отметить ограниченность исследования, проводившегося в отношении ожидаемого коммуникативного поведения иностранных студентов; неравенство статусов студента и преподавателя не позволяют применить указанные ожидания к устному академическому дискурсу в целом.

Описание более широкого пространства устного академического дискурса находим у Ё. Санмай, которая указывает на необходимость использования вежливой речи в устных жанрах академического дискурса (доклад, лекция, семинар). Данная особенность коррелирует с ожиданиями, указанными Х. Ёсикава и Х. Хякутакэ: очевидно, статусы коммуникантов в каждом конкретном дискурсе обуславливают выбор того или иного подстиля вежливой речи. Кроме того, Ё. Санмай отмечает использование в устном академическом дискурсе более частотного, по сравнению с письменным, использования «повседневных» (менее формальных) лексических единиц. В целом, как указывает Ё. Санмай, устный академический дискурс в японской

лингвокультуре, в частности различия между его жанрами, требуют дальнейшего, более подробного изучения [Sanmai, 1995].

Русский академический дискурс описан в работах Н. Г. Бурмакиной, И. П. Хутыз и др. Так, И. П. Хутыз указывает на следующие его особенности:

1. Использование пассивных конструкций и возвратных форм глаголов, выводящих коммуниканта (-ов) за рамки дискурса (представляет собой языковую реализацию стратегии негативной вежливости).

2. Использование активного залога при отсылке к авторитетному источнику или лингвистическому сообществу в целом. Эта черта, на наш взгляд, связана с упоминавшейся ранее дискурсивной практикой конструирования авторитетности.

3. «Лёгкая» модальность речи, смягчение категоричности высказывания, открытость к другому мнению. Эта характеристика проявляется в использовании ряда лексических единиц: «примером несовпадения сигнификативных ситуаций в разных языках может служить», «мы можем легко перенести...», «говорящий как бы...» и т.д. Как и в случае указывалось ранее, снижение категоричности высказывания представляет собой стратегию негативной вежливости.

4. Отличительной особенностью русскоязычных авторов является использование местоимения «мы» в качестве самоупоминания. Как отмечает И. П. Хутыз, местоимение «мы» в данном контексте неинклюзивно; используя его, коммуниканты «представляют себя частью научного сообщества, скромно оставляя свое «я» в тени». Следовательно, такое употребление данного местоимения представляет собой языковое средство реализации стратегии негативной вежливости [Хутыз, 2012].

Н. Г. Бурмакина, в свою очередь, отмечает большую (относительно других лингвокультур – в частности, рассматриваемых в работе Н. Г. Бурмакиной немецкой и испанской) асимметрию коммуникативных ролей участников дискурса – преподавателя и студента, лектора и слушателей. Такая асимметрия проявляется в меньшей коммуникативной

автономии участников с более низким статусом, оказывая влияние на используемые средства немаркированной вежливости.

Другой отличительной чертой русского академического дискурса является более патерналистский характер коммуникации в русском академическом дискурсе, допустимость вторжения в чужое коммуникативное пространство. Основанием для такого вторжения является приписываемая собеседнику иррациональность [Бурмакина, 2014]. На наш взгляд, эта черта русского академического дискурса отражает рассмотренную выше особенность русского коммуникативного этностиля, заключающуюся в меньшей склонности к использованию стратегий негативной вежливости.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В данной главе нами была рассмотрена категория вежливости и различные подходы к ней в современной лингвистики. С учетом рассмотренных подходов, в рамках настоящей работы мы, вслед за Т.В. Лариной, понимаем вежливость как «универсальная коммуникативная категория, представляющая собой систему национально специфических стратегий поведения, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих ожиданиям партнера».

Понятие «стратегии вежливости» в рамках настоящей работы мы используем согласно с его употреблением в фундаментальной работе П. Браун и Р. Левинсона, определяя его как способ выбора языковых средств, направленный гармоничное, бесконфликтное общение, соответствующее ожиданиям партнера.

Было установлено, что реализация категории вежливости в японской и русской этнокультурах обладает определёнными отличиями. Так, японский коммуникативный стиль подразумевает широкое использование негативной вежливости; использование вежливого стиля *кейго*, направленного на поддержание автономии собеседника, представляет собой реализацию немаркированной вежливости. В японской коммуникации присутствует характерный паттерн, подразумевающий использование стратегий позитивной вежливости, нацеленных на сокращение дистанции между коммуникантами, однако в целом японская лингвокультура характеризуется более высокой социальной дистанцией между участниками коммуникации. Русский коммуникативный стиль, напротив, характеризуется импозитивностью, открытостью; коммуниканты более склонны к использованию стратегий позитивной вежливости, нежели негативной.

Под академическим дискурсом в настоящей работе мы будем понимать «совокупность коммуникативных явлений в рамках взаимодействия субъектов научной и педагогической сфер деятельности» [Бурмакина, 2010].

С точки зрения изучения реализации категории вежливости в академическом дискурсе его важнейшими характеристиками являются институциональный характер, подразумевающий статусно-ориентированную коммуникацию; статусы и коммуникативные роли участников в конкретном дискурсе; набор ценностей, определяющих стремление к нейтральности и объективности; а также ряд дискурсивных практик конструирования авторитетности, предполагающих реализацию тех или иных стратегий вежливости.

В противовес значительному различию между японским и русским коммуникативными стилями, японский и русский академический дискурс демонстрируют ряд сходств, таких как смягчение категоричности высказываний и использование пассивных конструкций, выводящих коммуникантов за рамки дискурса. На основании вышесказанного можно предположить, что дискурсивно-интегративные черты академического дискурса оказывают заметное влияние на выбор и реализацию коммуникативных стратегий вежливости, обуславливая сходства в наборе предпочтительных стратегий вежливости в рамках рассматриваемого дискурса.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ВЕЖЛИВОСТИ В ЯПОНСКОМ И РУССКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Анализ коммуникативных стратегий вежливости устного академического дискурса в японской лингвокультуре

Для анализа коммуникативных стратегий вежливости в жанре научной дискуссии в японском академическом дискурсе был отобран языковой материал дискуссий, проходивших в рамках научных конференций университета г. Киото (京都大学 *кё:то дайгаку*) в период 2009–2017 гг. Указанный языковой материал был получен путём транскрипции видеозаписей таких дискуссий, опубликованных на официальном канале университета на видеохостинге Youtube (Kyoto Daigaku Open Courseware). Общая продолжительность видеозаписей составила 194 минуты.

При описании коммуникативных стратегий вежливости в академическом дискурсе, присущих изучаемым лингвокультурам, следует учесть особенности таких стратегий, характерных для маркированной и немаркированной вежливости. Как было указано в первой главе, маркированная вежливость тесно связана с ликоугрожающими актами. Коммуникативные стратегии маркированной вежливости используются в том случае, когда говорящий хочет снизить степень угрозы, создаваемой позитивному или негативному лицу слушающего в результате ликоугрожающего акта. Таким образом, характеристика стратегий маркированной вежливости включает в себя описание используемых говорящими ликоугрожающих актов и типичные для таких актов стратегии вежливости, выбираемые для снижения угрозы лицу собеседника.

Для выражения вежливости при реализации неликоугрожающих актов характерны следующие особенности:

1. Стилистическая неоднородность. Как было указано в главе 1, для устного академического дискурса в японской лингвокультуре свойственно использование (и ожидание использования) гоноративов (кэйго). Тем не менее, анализ языкового материала показывает, что коммуниканты склонны использовать лексические и грамматические средства как кэйго, так и нейтрального стиля, могут употреблять в речи как формальную лексику и грамматику, так и разговорные речевые единицы.

特に、あの、私、あの—鎌田先生は九十年代からずっといましていただいで[...]

*Току ни, ано, ватаси, ано, канэда сэнсэй ва кю:дзю: нэндаи кара дзутто имаситэ **итадаидэ**...*

В особенности, э-э, я, э-э –Канэда-сэнсэй, который присутствовал [в этой области] с 90-х годов [...]

(1)

つまり、あの、最後のほうでテクニクとアートということをおっしゃいましたけど

Цумари, ано, сауго но хо: дэ тэкуникку то а:то то ю: кото о оссяимасита кэдо

*Другими словами, э-э, в завершение **Вы говорили** о технике и искусстве [...]*

(2)

В примере 1 говорящий использует пейоративную лексическую единицу *いただく* *итадаку* (бенефактивный вспомогательный глагол со значением «получать»), в примере 2 – мелиоративную лексическую единицу *おっしゃる* *оссяру* (говорить).

だから演劇と歌舞伎で言葉を使わなくても学問できるっていうのは、ま、私の基本的な学問間で、それぐらいにこう学問というのは豊かで広がりを持ってるとんじゃないかと

*Дакара энгэки то кабуки дэ котоба о цукаванакутэмо гакумон дэкиру
ттэ ю: но ва, ма, ватаси но кихонтэкина гакумонкан дэ, сорэ гураи ни ко:
гакумон то ю: но ва ютака дэ хирогари о моттэрун дзянаи ка то*

*Поэтому учиться можно и с помощью театра и кабуки, это значит,
э-э, [на мой взгляд], разве базовое образовательное пространство не
обладает значительными возможностями для расширения?*

(3)

В примере 3 все использованные говорящим грамматические формы принадлежат к нейтральному стилю (普通体), лексические и грамматические единицы кэйго отсутствуют.

*世界に対して開かれたものであるけれども、特に、ま、近代社会の、
その、心理療法自体は近代的なものともいえるかと思いますが [...]*

*Сэкаи ни тауситэ хиракарэта моно дэ ару кэрэдомо, току ни, ма,
киндаи сякаи, соно, синрирё:хо: дзитаи ва киндаитэкина моно то мо иэру ка
то омоимасу га [...]*

*Эта [техника] открыта миру, в особенности, э-э, в современном
обществе; думаю, можно сказать, что психотерапия сама по себе является
[достижением] современного общества.*

(4)

В примере 4 используется связка нейтрального стиля *である* *дэару*, характерная для письменного академического дискурса. Помимо использования нейтрального стиля, в данном речевом акте говорящий также использует и другие характерные для письменного академического дискурса лексико-грамматические средства: отглагольный послелог *に対して* *ни тауситэ* (по отношению к ...), оборот косвенной речи *ともいえる* *то мо иэру* (можно также сказать, что...).

*これからは実際ユーザーですね、ユーザーという何種類いると思う
んですが／まず、学内の先生方、ま、一つの使うユーザー、オープンコー*

スエアシステムを使うユーザー。／それから、提供側になるというんですが／それから、ええ、それをですね、教授するために一般の人達ですね。

Корэкара ва дзиссай ю:за: дэсунэ, ю:за: то ю: нан сюриу иру то омоун дэсуга / Мадзу, гакунай но сэнсэигата, ма, хитоцу но цукау ю:за:, о:пунко:суэа сисутэму о цукау ю:за:. / Сорэкара, тэйкё:гава ни нару то ю:н дэсу га. / Сорэкара, ээ, сорэ о дэсу нэ, кё:дзю суру тамэ ни иппан но хитотати дэсунэ.

Сейчас [мы поговорим] о реальных пользователях [системы], я думаю, что есть следующие категории пользователей. / Во-первых, преподаватели университетов, э-э, это одни пользователи, одна категория пользователей [ресурса] Open Course Ware. / Далее, разработчики [системы]. / Далее, э-э, обычные люди, использующие, э-э, систему для обучения.

(5)

В примере 5 приведены четыре речевых акта, в трёх из них используются грамматические формы кэйго, а именно связка *です дэсу*. Ещё в одном речевом акте связка *дэсу* отсутствует. Данный пример наглядно иллюстрирует чередование в высказываниях коммуникантов речевых актов, принадлежащих к различным стилям с точки зрения вежливости.

Такая неоднородность, с одной стороны, коррелирует с характерным для японской лингвокультуры паттерном, рассмотренным в главе 1, а именно с изменением стиля речи с кэйго на нейтральный и наоборот. Такое изменение, как было указано ранее, представляет собой стратегию позитивной вежливости, так как сокращает дистанцию между коммуникантами. С другой стороны, использование нейтрального стиля речи может быть связано и с характером исследуемого дискурса в целом. Так, в ряде речевых актов (в частности, в рассмотренном выше примере 4) используются характерные для письменного академического дискурса лексико-грамматические средства. Это позволяет сделать предположение о том, что окказиональный переход к нейтральному стилю совершается

коммуникантами под влиянием норм и ожиданий письменного дискурса, общих для участников данного дискурса. В этом случае такой переход также можно рассматривать как стратегию позитивной вежливости («используйте маркеры групповой принадлежности»).

Переход между вежливым и нейтральным стилем речи используется коммуникантами с различной частотностью, которая зависит от их статуса в рамках данного дискурса: коммуниканты используют переход к нейтральному стилю тем чаще, чем выше их статус. Статусная обусловленность выбора языковых средств является особенностью лингвокультуры в целом и находит отражение и в устном академическом дискурсе.

2. Другой особенностью реализации неликоугрожающих речевых актов в рассматриваемом дискурсе является частотное употребление конструкции из связки *です* *дэсу* (или её аналога в нейтральном стиле, связки *だ* *да*) и частицы *ね* *нэ* (иногда используется только частица *нэ* без связки). Такая конструкция может использоваться как в конце речевого акта (6), так и в его середине (7):

別の考え方がありうるんですね。

Бэцу но кангаэката га ариурундэсу нэ.

Другие точки зрения также могут существовать.

(6)

それで、ま、三名の先生方を聞いていただいて、それぞれの立場からさまざまなことですね、オープンコースエアに関連あることお話していただいたという[...]

Сорэ дэ, ма, санмэи но сэнсэигата о киитэитадаитэ, сорэдзорэ но татиба кара самадзамана котодэсу нэ, о:пунко:суэа ни канрэн ару кото о-ханаси итадаита то ю: [...].

Таким образом, мы выслушали [комментарии] трёх преподавателей и получили разносторонние мнения, по поводу [системы] Open Course Ware [...].

(7)

ものごと効率的に解決するからね。

Моногото ко:рицутэки ни каикэцу суру каранэ.

Потому что[таким образом можно] весьма эффективно решить [проблему].

(8)

領域によるとこの技のあり方の違いみたいなんですね。

Рё:ики ни ёру то коно вадза но аrikата но тигаи митаи нандэсу нэ.

Способ выполнения этой техники, похоже, варьируется в зависимости от региона.

(9)

Как указывают В. М. Алпатов и другие, главной функцией связок в японском языке является образование сказуемых от тех частей речи, которые не могут выступать в этой роли самостоятельно [Алпатов, Аркадьев, Подлеская, 2008: 419]. Другими словами, связки *дэсу* и *да* в японском языке входят в состав именных сказуемых, как правило, совпадающих с ремой предложения. Таким образом, используя связку *дэсу* или *да*, говорящий рематизирует предшествующую ей лексическую единицу, акцентируя внимание на коммуникативном центре высказывания. В приведённых выше примерах такие ключевые фрагменты речевых актов выделены подчёркиванием.

Контактоустанавливающая частица *ね нэ* «указывает на просьбу говорящего подтвердить некоторое общее знание или согласиться с ним <...> (ср. русские *не правда ли? не так ли?*)» [Алпатов, Аркадьев, Подлеская, 2008: 460]. Таким образом, конструкция *дэсу нэ* (*да нэ*) выполняет актуализирующую и дейктическую функции, представляя собой средство

реализации стратегии позитивной вежливости «подтверждайте общую точку зрения, общее мнение, отношение, знание, эмпатию».

3. Как было указано в главе 1, для письменного академического дискурса характерна «смягчённая» модальность. Анализ языкового материала показывает, что эта черта присуща и устному академическому дискурсу: снижение категоричности реализуется с помощью ряда синтаксических конструкций, таких как косвенная речь (10, 11, 12), утверждение в форме вопроса с отрицанием (11, 12, 13), страдательный залог (10), лексические единицы с значением сравнения (14) и пр.

一つは、日本の文化をこう、それだけをこう、切り離して孤立させてとらえるのではなくて、あのう、東アジア全体ですね、諸思想の大きな文脈のなかでとらえるという視点を提起されたと思います。

*Хитоцу ва, нихон но бунка о ко:, сорэ дакэ о ко:, кириханаситэ корицусасэтэ тораэру но дэванакутэ, ано:, хигаси адзиа дзэнтаи но дэсу нэ, сёсисо: но о:кина буммяку но нака дэ тораэру то ю: ситэн о **тэики сарэта то омоимасу.***

Во-первых, я думаю, что была предложена точка зрения, согласно которой японская культура [рассматривается] не одна, в изоляции [от других], э-э, а в совокупности с [культурами] всей Восточной Азии, в обширном контексте всех философских воззрений.

(10)

非常に、あの、私としては、面白かったというか、うまくいったではないかと思っています。

*Хидзё:ни, ано, ватаси то ситэ ва, омосирокатта **то ю: ка,** умаку итта дэванаика то омоттэимасу.*

Можно ли сказать, что [это было] очень, э-э, мне интересно, и я думаю, не прошло ли всё замечательно.

(11)

関西学院大学の中田先生からご意見伺いたいと思うんですが

*Кансаи гакуин даигаку но наката сэнсэи кара го-икэн укагаитаи **то** омоун дэсуга*

Думаю, что хотела бы услышать ваши мнения, начиная с господина Накаты из Кансайского университета.

(12)

それで、それを一つ、ま、解決するようなですね、ことが非常にそのライブの中でできたのではないかと思います。

*Сорэ дэ, сорэ о хитоцу, ма, каикэцу суру ё:на дэсу нэ, кото га хидзё:ни соно раибу но нака дэ дэкитан дэванаика **то** омоимасу.*

Таким образом, на мой взгляд, не было ли одно, э-э, решение найдено именно в ходе «живого» обсуждения?

(13)

それは社会とともにこう磨かれていくみたいな

*Сорэ ва сякай то томо ни ко: мигакарэтэику **митай** на*

[Обучение] как бы подразумевает совершенствование сообразно с развитием общества.

(14)

При помощи данных синтаксических средств реализуются стратегии негативной вежливости «используйте косвенную речь», «задавайте вопросы, смягчайте прямолинейные высказывания»; глаголы в форме страдательного залога используются для реализации стратегии негативной вежливости «выводите говорящего и слушающего из дискурса».

Рассмотрев ключевые особенности выражения немаркированной вежливости в устном академическом дискурсе, перейдём к анализу маркированной вежливости, к которой коммуниканты прибегают при реализации ликоугрожающих актов. В рассматриваемом языковом материале присутствуют три типа ликоугрожающих актов, а именно «установление темы», «приглашение к дискуссии», «вопрос слушающему» и «критика высказываний/действий слушающего». Отметим, что при реализации

ликоугрожающих актов не используется рассмотренная выше стратегия, в рамках которой коммуниканты осуществляют переход от кэйго к нейтральному стилю и наоборот.

Под ликоугрожающим актом «**установление темы**» мы понимаем речевой акт, целью которого является установление говорящим темы высказывания, что создаёт угрозу негативному лицу слушающего (слушающих). В рассматриваемом языковом материале при реализации такого ликоугрожающего акта использовались следующие стратегии вежливости:

1. Стратегия негативной вежливости «Используйте косвенную речь». Аналогично стратегии немаркированной вежливости, для её реализации используется косвенная речь и иллокутивные речевые акты.

前置きはそれぐらいにしまして、あの、質問に入らせていただければと思います

Маэоки ва сорэгурай ни симаситэ, ано, сицумон ни хаирасэтэ итадакэрэба то омоимасу.

На этом [я заканчиваю] вступительную часть и, э-э, думаю, что [было бы хорошо], если бы мне было позволено перейти к вопросам.

(15)

2. Указание причины изменения темы.

しかし、トッドさんは私のことまったく、あの、知らない、知らないでしょうからまったく知らない人物と討論するというのも—あまり気持ちよくないと思いますのでじゃ短自己紹介置かれてですね。

Сикаси, тоддо сан ва ватаси но кото маттаку, ано, сиранаи, сиранаи дэсё: кара маттаку сиранаи дзинбуцу то то:рон суру то ю: но мо амари кимоти ёкунаи то омоимасу но дэ дзя тан дзикосё:каи окарэтэ дэсу нэ.

Однако господин Тод обо мне, скорее всего, ничего, э-э, не знает, и, так как я думаю, что дискутировать с абсолютно незнакомым человеком не очень-то приятно, я сейчас коротко расскажу о себе.

(16)

それから、あの、続きましてですね、あの - 時間が限られておりますので駆け足になります

Сорэкара, ано, цудзукимаситэ дэсу нэ, ано - дзикан га кагирарэтэоримасу нодэ какэаси ни наримасу га

Теперь, э-э, далее, э-э - так как время ограничено, [мой комментарий] будет очень быстрым...

(17)

В предложенных примерах говорящий указывает на причину перехода к новой теме, стремясь к его легитимизации с точки зрения слушателей. С нашей точки зрения, такой речевой ход можно считать реализацией коммуникативной стратегии позитивной вежливости «ищите согласия».

Ликоугрожающий акт «приглашение к дискуссии» обычно осуществляется модератором и создаёт угрозу для негативного лица слушающего. Для смягчения такой угрозы используются гоноративные префиксы, пейоративные лексические единицы и выражения просьбы, а также косвенные речевые акты.

それでは、あの、コメンテーター、広井先生より、えー、コメントのこと、よろしく願いいたします。

Сорэдэва, ано, комэнтэ:та:, хироисэнсэи ёри, э:, комэнто но кото, ёросику онэгаи итасимасу.

Итак, э-э, комментатор, профессор Хирои, э-э, просим Вас прокомментировать [доклады коллег].

(18)

関西学院大学の中田先生からご意見伺いたいと思うんですが

Кансаи гакуин даигаку но наката сэнсэи кара го-икэн укагаитай то омоундэсу га

Я думаю, что хотела бы услышать комментарий господина Наката из Кансайского университета.

(19)

Ликоугрожающий акт «**вопрос слушающему**», как и ликоугрожающий акт «**установление темы**», создаёт угрозу негативному лицу собеседника, возлагая на него обязательство (согласно ожиданиям говорящего) ответить на заданный вопрос. Для смягчения угрозы лицу в таких случаях используется стратегия негативной вежливости «используйте косвенную речь»:

それ自体大きなテーマですけれども、ここで、あの、一つお伺いできればと思いますのはあの

Сорэ дзитай о:кина тэ:ма дэсукэрэдомо, коко дэ, ано, хитоцу оукагаи дэкирэба то омоимасу но ва, ано...

Это очень объёмная тема, однако в рамках этой темы, э-э, думаю, [было бы хорошо], если бы я мог задать один вопрос...

(20)

それともかなりですね、えー、いろいろ今後変容していくようですね、そういう時代状況になるかみたいなあたりをですね伺えばと思いますはい

Сорэ то мо канари дэсу нэ, э:, ироиро конго хэньё: ситэику ё: дэсу нэ, со: ю: дзидаи дзё:кё: ни нару ка митаина атари о дэсу нэ укагаэба то омоимасу хаи

Кроме того, довольно, э-э, впоследствии будут происходить различные изменения, [и] я думаю, [что было бы хорошо], если бы я мог спросить об этом современном положении дел.

(21)

Наконец, ликоугрожающий акт «**критика высказываний/действий слушающего**» представляет собой угрозу позитивному лицу слушающего. Для снижения такой угрозы используются стратегии вежливости, реализуемые при помощи следующих языковых средств: диминутивные лексические единицы, косвенная речь, страдательный залог.

で、あのう、私はあのお話を伺っていて、あの、二つのちょっと論点が含まれているのかなと思ったんですけど

Дэ, ано:, ватаси ва ано о-ханаси о укагаттэитэ, ано, футацу но **тётто** ронтэн га фукумарэтэиру но кана **то омоттан** дэсу кэдо

И, э-э, слушая [Ваше] выступление, я подумал, что в нём есть два **немного** дискуссионных момента.

(22)

Указанные языковые средства представляют собой средство реализации стратегий негативной вежливости «используйте косвенную речь», «смягчайте прямолинейные высказывания», «выводите говорящего и слушающего из дискурса».

Следует отметить, что, в отличие от рассмотренных ранее типов ликоугрожающих актов, критика высказываний или действий слушающего нехарактерна для японского устного академического дискурса. Мы предполагаем, что коммуниканты отдают предпочтение стратегии, заключающейся в отказе от осуществления ликоугрожающего речевого акта.

Напротив, в анализируемом материале коммуникантами зачастую используются **ликосохраняющие акты**, а именно комплименты слушающему:

私これやはり非常に貴重なところだといえます

Ватаси корэ яхари хидзё:ни китё:на токоро да то иэмасу

Можно сказать, что это чрезвычайно важный момент.

(23)

で、次にですね、トッドさんは二千八年に「デモクラシー以降」を書いて、一番新しいものですね、非常に刺激的なものです。

Дэ, цуги ни дэсу нэ, тоддо сан ва ни сэн хати нэн ни дэмокураси: ико: о каитэ, итибан атараси: моно дэсу нэ, хидзё:ни сизэкитэкина моно дэсу.

Далее, господин Тод, Вы в 2008 году написали [книгу] «После демократии», это самая новая [Ваша книга], она по-настоящему сенсационная.

(24)

В таких речевых актах, как правило, используются интенсификаторы (в частности, 非常に *хидзё: ни* очень, чрезвычайно), разнообразная оценочная лексика, а также лексика, выражающая согласие/одобрение. При помощи этих языковых средств реализуются стратегии позитивной вежливости «преувеличивайте интерес к собеседнику, одобрение, симпатию», «дарите слушающему «подарки» (согласие, одобрение, симпатию)».

В целом коммуникативный стиль, присущий устному академическому дискурсу в японской лингвокультуре, можно охарактеризовать как дистантный; ему присуща «мягкая» модальность, отсутствие категоричных высказываний, неимпозитивность. Нормативным стилем общения является вежливый язык кэйго, подчёркивающий социальную дистанцию между коммуникантами. Вместе с тем следует отметить разнообразие стратегий и средств реализации позитивной вежливости, как маркированной, так и немаркированной.

2.2. Анализ коммуникативных стратегий вежливости устного академического дискурса в русской лингвокультуре

Коммуникативные стратегии вежливости в русском устном академическом дискурсе рассматривались на материале дискуссий, проходивших в рамках научных конференций в Национальном

исследовательском университете «Высшая школа экономики» в 2015-2016 гг. Анализируемый языковой материал получен методом транскрипции видеозаписей таких конференций, размещённых на официальном канале НИУ ВШЭ на сервисе Youtube, общая продолжительность обработанных видеозаписей составила 247 минут.

Как и для японского академического дискурса, нами были рассмотрены предпочтительные стратегии как маркированной, так и немаркированной вежливости. Отмечены следующие характерные черты немаркированной вежливости:

1. Нормативной формой обращения к собеседнику является местоимение второго лица Вы и имя-отчество. (модераторы, представляя коммуниканта и/или приглашая его/её к участию в дискуссии, полностью называют фамилию, имя и отчество):

Игорь Николаевич Каграманян, Первый заместитель Министра здравоохранения, попросил меня предоставить ему слово последним.

(25)

Вот Леонид Маркович начал рассказ о том, как у нас финансируется наука, о том, у нас много или мало денег, и дальше всё, что говорилось, говорилось о бизнесе и о рынке.

(26)

*Скажите, пожалуйста, изучались ли в рамках **Вашего** времени, **Вашего** региона авторецензии?*

(27)

Указанная норма строго соблюдается участниками дискуссии, отклонения от неё не допускаются (в анализируемом материале таких отклонений зафиксировано не было). Такая форма обращения до некоторой степени соответствует предложенной Браун и Левинсоном стратегии негативной вежливости «используйте фамилии и титулы»: форма обращения по имени и обществу более вежлива, чем обращение по имени.

Отметим также, что в форме обращения проявляется статусное неравенство коммуникантов: так, коммуниканты с более высоким статусом могут использовать редуцированные формы общества или вовсе опускать его, называя собеседников/слушателей по имени (или даже сокращённой форме имени) (см. примеры 50, 56).

2. Разнообразие и широкое употребление языковых средств, выполняющих дейктическую функцию. Как и в японской лингвокультуре, коммуниканты зачастую используют языковые средства, призванные поддерживать контакт между говорящим и слушающим (слушающими), придавая речи диалогичный характер. Тем не менее, в русской лингвокультуре такие языковые средства более разнообразны и включают в себя междометие *да* (28, 29), разнообразные глаголы с семантикой понимания/восприятия (30, 31), глаголы в повелительном (33) и побудительном (32) наклонении и риторические вопросы (34).

Ну, возьмите там курс общей физики, да, с чего начинается там, начиная там от Ньютона и дальше, до современных вещей, это всё фундаментальная наука

(28)

Но, правда, тут ещё литературная продукция была, конечно, несопоставима с современной, да, поэтому действительно можно было обозреть, да[...]

(29)

Вы понимаете, изменилась технология.

(30)

Это помните, как у Салтыкова-Щедрина, учёный еврей при вице-губернаторе.

(31)

Давайте посмотрим западноевропейский опыт: к врачам общ... к врачам-специалистам приходят не более тридцати процентов больных, обратившихся к врачу общей практики.

(32)

Хотите – проведите эксперимент.

(33)

А теперь вопрос: что делать дальше? Вот дальше надо, первое, менять эту парадигму.

(34)

При помощи указанных языковых средств реализуются стратегии позитивной вежливости «замечайте слушающего, уделяйте ему внимание», «подтверждайте общую точку зрения, общее мнение, отношение, знание, эмпатию», «включайте в действие как говорящего, так и слушающего».

3. Использование маркеров групповой принадлежности. Для обозначения групповой идентичности коммуникантов говорящий может использовать местоимения *мы, мы с вами*, а также обращение *коллеги*.

Мы же замечаем, что они берут ориентировку на такой, как вы сказали, реалистский подход, примат источника - это позитивистская установка, она в любом случае в дореволюционной историографической традиции она наблюдалась.

(35)

Значит, мы с вами говорим про научно-технологические приоритеты, но вообще-то наука живёт не в безвоздушном пространстве, технология тоже.

(36)

Дорогие коллеги, сегодняшний круглый стол – это результат двухлетней работы школы рецензирования, которая была придумана и очень успешно функционировала в последние два года.

(37)

Таким образом коммуниканты реализуют стратегию позитивной вежливости «используйте маркеры групповой принадлежности».

4. Довольно высокая степень категоричности высказываний, умеренное использование языковых средств, смягчающих категоричность.

Может быть, это для нас самое главное в таком рациональном страстном отношении к проблеме рецензии.

(38)

*Поэтому сказать, что уж совсем всё плохо, ну, **наверное, всё-таки нет.***

(39)

*Значит, ученые говорят «нет», но это, **наверное, всё-таки не совсем так.***

(40)

*Особенно в системе страховой медицины, о которой, **я думаю,** в наших, вот в нынешней ситуации уже альтернативы нет*

(41)

*Ну, там, допустим, есть, то есть, просто, многое зависит, ну, **как бы**, от, как это называется, соразмерность реакции, да, она не зависит часто, она **не всегда** зависит от значения, она **не всегда** связана со значением конкретного автора.*

(42)

В приведённых выше примерах для снижения категоричности высказываний используются вводные слова *наверное, может быть, частица всё-таки*, сравнительная конструкция *как бы* для реализации стратегии негативной вежливости «задавайте вопросы, смягчайте прямолинейные высказывания». Вместе с тем следует отметить, что использование такой стратегии в устном академическом дискурсе русской лингвокультуры весьма ограничено, при этом довольно часто используются языковые средства, повышающие уровень категоричности. К таким языковым средствам относятся различные вводные слова (43, 46) и стилистические приёмы, в частности, эмфаза (44, 45).

*Но, **разумеется**, все на него пооткликались, и все, все, **разумеется**, как-то это замечали.*

(43)

*Почему фундаментальная наука, потому что это единственный источник знаний, **другого нету. Просто нету, в природе нету, не существует.***

(44)

*Значит, чтобы привести более наглядный пример, значит, скажем, чернобыльская авария произошла **только по одной причине**, нехватки технической культуры оперативного персонала. **Она из-за этого произошла и ни из-за чего другого.***

(45)

*Но, правда, да, правда, надо сказать, что, **конечно**, и в принципе в первой четверти девятнадцатого века этос полемики научной, он, **конечно**, был другой, да.*

(46)

***Я точно знаю**, что Сергей Владимирович не возражает, потому что в докладе в этом вот написано [...]*

(47)

Перейдём к рассмотрению ликоугрожающих актов. В рассматриваемом дискурсе коммуниканты осуществляют ряд ликоугрожающих актов, сходных с ликоугрожающими актами в японском устном академическом дискурсе, «приглашение к дискуссии», «вопрос слушающему» и «критика высказываний/действий слушающего».

Ликоугрожающий акт «приглашение к дискуссии» осуществляется при помощи самых различных языковых средств. Так, коммуникантами могут использоваться выражения просьбы и безличные предложения (50), при помощи которых реализуются стратегии негативной вежливости «представляйте ликоугрожающий акт как общее правило», «используйте косвенную речь». В то же время говорящими зачастую используются

перформативные речевые акты и назывные предложения (48, 49), в которых угроза негативному лицу собеседника не снижается.

И для первого сообщения я передаю слово Петру Владиславовичу Резвых, доценту Высшей школы экономики и ведущему научному сотруднику <...> который расскажет нам о поливалентности аргументов в рецензиях современников на романтические труды по мифологии, пожалуйста.

(48)

Владимир Викторович Иванов, Российская академия наук.

(49)

Ну, соответственно, Леонид Михалыч, получается, что Вам начинать обсуждение.

(50)

При реализации ликоугрожающего акта «вопрос слушающему» может использоваться стратегия негативной вежливости «минимизируйте степень вмешательства», реализуемая при помощи такого стилистического приёма, как умолчание, когда часть речевого акта, содержащая вопрос, опускается, и речевой акт, подразумевающий вопрос, приобретает форму повествовательного предложения (51, 52). При этом в ряде речевых актов используются глаголы в повелительном наклонении с выражениями просьбы (53); степень обременения в таких речевых актах выше.

А всё-таки здесь можно провести грань какую-то между рецензией и публицистическим откликом, вот всё-таки...

(51)

А если говорить о рецензиях на рядового учёного, так, как писались такие рецензии, и вообще писались ли они...

(52)

Скажите, пожалуйста, изучались ли в рамках Вашего времени, Вашего региона авторецензии? Там у Вас многие рецензии скрывались за псевдонимами, нет такого?

(53)

Ликоугрожающий акт «установление темы» реализуется преимущественно при помощи глаголов в первом лице и множественном числе, а также местоимения *мы* и побудительного наклонения, что представляет собой стратегию позитивной вежливости «включайте в действие как говорящего, так и слушающего».

*Спасибо, Сергей Владимирович, **мы перейдём** к обсуждению.*

(54)

Наконец, ликоугрожающий акт «критика высказываний/действий слушающего» может осуществляться с использованием стратегии негативной вежливости «извиняйтесь» с использованием соответствующих лексических единиц (56). Также могут использоваться перформативные глаголы (55), смещающие акцент со слушающего на говорящего.

*Но, Сергей Владимирович, **с чем не соглашусь**[...]*

(55)

*Вы знаете, ведь у нас и сегодня некоторые стационары, **да простит меня Игорь Николаевич**, федеральные, формально работая в ОМС, реально работают по смете.*

(56)

Кроме того, в рассматриваемом дискурсе встречаются такие ликосохраняющие акты, как «комплимент» и «выражение согласия», в которых используются, соответственно, эмоционально-оценочная лексика с положительной окраской и перформативные глаголы.

*Придумана она была **совершенно замечательными** нашими учёными дамами Натальей Долгоруковой и Настей Шалагиной, философом Шолоховым и некоторым ещё количеством людей, которых не буду сейчас обозначать.*

(57)

*А вот тут **я соглашусь** с Игорем Рубеновичем в том, что зависит от того, в какой сфере мы работаем.*

(58)

Таким образом, для устного академического дискурса в русской лингвокультуре свойственна ярко выраженная групповая идентификация, многочисленные стратегии позитивной вежливости, применяемые при осуществлении как ликоугрожающих, так и неликоугрожающих речевых актов, а также ликосохраняющие акты, направленные на поддержание позитивного лица слушающего. Вместе с тем, хоть стиль общения и является в некоторой степени формальным и уважительным, ему присуща относительно высокая импозитивность, и при осуществлении речевых актов, представляющих угрозу негативному лицу слушающего, далеко не всегда используются стратегии вежливости для снижения такой угрозы.

2.3. Сравнительный анализ предпочтительных стратегий вежливости в устном академическом дискурсе японской и русской лингвокультур

Результаты анализа языкового материала демонстрируют заметные различия в предпочтительных стратегиях вежливости устного академического дискурса между изучаемыми лингвокультурами. Рассмотрим подробнее, в чём заключаются эти отличия.

Для немаркированной вежливости в устном академическом дискурсе данных лингвокультур характерно использование стратегий позитивной вежливости, а именно стратегии «подтверждайте общую точку зрения, общее мнение, отношение, знание, эмпатию». Для реализации этой стратегии в японской лингвокультуре используется, как было отмечено выше, конструкция из связки *дэсу* и частицы *нэ*, а в русской лингвокультуре – различные частицы и вводные слова:

で、そのときにですね、ええ、ま、二十代ぐらいでしょうかね。

Дэ, соно токи ни дэсу нэ, ээ, ма, нидзю: даи гураи дэсё: ка нэ.

И в это время, да, э-э, я полагаю, от двадцати до тридцати лет.

(59)

*Увеличили производительность труда почти на сорок процентов, на тридцать восемь с небольшим, **так ведь?***

(60)

*Но они так смонтированы, **да**, и таким образом, так сказать, в такой последовательности выстроены, что они создают откровенно бурлесковый эффект, **да**.*

(61)

В русской лингвокультуре в неликоугрожающих речевых актах используются и другие стратегии позитивной вежливости, в частности, стратегия «включайте в действие как говорящего, так и слушающего», которая реализуется при помощи разнообразных языковых средств:

*То же самое касается, кстати, и системы образования, потому что, **смотрите**, у нас люди стремятся поехать учиться на Запад, а к нам едут представители братских республик, в общем-то, есть разница.*

(62)

***Давайте посмотрим** на институты развития...*

(63)

***А что ей для этого надо**, для этого надо решить три задачи.*

(64)

В целом, стратегии позитивной немаркированной вежливости в русской лингвокультуре более разнообразны и реализуются при помощи более обширного набора языковых средств.

Напротив, стратегии негативной немаркированной вежливости более разнообразно представлены в японской лингвокультуре («используйте косвенную речь», «задавайте вопросы, смягчайте прямолинейные высказывания», «выводите говорящего и слушающего из дискурса»), чем в русской («задавайте вопросы, смягчайте прямолинейные высказывания»). При этом в русском устном академическом дискурсе коммуникативный стиль отличается большей импозитивностью и категоричностью, так как в

нѐм могут использоваться лексические единицы, как снижающие (66), так и усиливающие категоричность (67).

領域となると割とは、比較的にこの客観化しやすいと思いますが

Рѐ:ики то нару то вари то ва, хикакутэки ни коно кякканка сиясуи то омоимасу га

Если речь идёт о регионах, то, на мой взгляд, здесь довольно просто [представить информацию] объективно.

(65)

科学的に証で記述していけば市場のパフォーマンスはきれいに科学的に精緻されると

Кагакутэки ни сѐ: дэ кидзюцу ситэикэба сидзѐ: но пафо:мансу ва кирэи ни кагакутэки ни сэити сарэру то

Если изложить информацию научно, то показатели рынка точно детализируются.

(66)

Вот теперь это цели, к которым мы, скажем, должны стремиться.

(67)

Я специально не говорил о глобальном технологическом лидерстве, значит, добы... сделать глобальное технологическое лидерство невозможно в принципе.

(68)

Стратегии вежливости, используемые в ликоугрожающих речевых актах, также до определённой степени схожи. Коммуниканты предпочитают использовать стратегии негативной вежливости («используйте косвенную речь», «смягчайте прямолинейные высказывания», «выводите говорящего и слушающего из дискурса»).

それでは、鎌田先生、よろしく願いいたします。

Сорэ дэва, камада сэнсэи, ёросику онэгаитасимасу.

Теперь профессор Камада, пожалуйста.

(69)

*Михаил Юрьевич Угрюмов, академик Российской академии наук,
пожалуйста.*

(70)

Тем не менее, для ликоугрожающего акта «вопрос слушающему» можно отметить некоторые отличия в выборе языковых средств для реализации вежливости. В японской лингвокультуре используются более многочисленные и разнообразные средства для снижения импозитивности такого ликоугрожающего акта, тогда как в русской лингвокультуре вопрос может носить более прямой характер, косвенная речь для его смягчения может не использоваться (72).

そのあたりをどういうふうに考えておれるというか質問ですはい

Соно атари о до: ю: фу: ни кангаэтэорэру то ю: ка сицумон дэсу хаи.

Вопрос, наверное, [заключается в том], как можно считать по этому поводу.

(71)

Там у Вас многие рецензии скрывались за псевдонимами, **нет такого?**

(72)

Также в обеих лингвокультурах коммуниканты могут прибегать к использованию ликосохраняющих актов – комплимент и согласие.

非常に、あのう、印象深いお話だったわけですが

Хидзё:ни, ано:, инсё:букаи о-ханаси датта вакэ дэсу га

[Ваше выступление] выло очень впечатляющим.

(73)

Мне кажется, что работа этого семинара и этого проекта была совершенно не студенческой, не учебной, а настоящей взрослой серьёзной работой, я думаю, что сегодня мы в этом тоже убедимся.

(74)

私よりほんとう大賛成で[...]

Ватаси ёри хонто: даисансэи дэ [...]

Я с этим полностью согласен.

(75)

Вот Игорь Рубенович на это обратил внимание, я тоже, это нелинейная модель.

(76)

Кроме того, отметим некоторые различия в проявлениях статусно-ролевых характеристик устного академического дискурса в рассматриваемых лингвокультурах. В японской лингвокультуре присутствуют заметные различия в выборе языковых средств между коммуникантами с разными статусами: так, коммуниканты с более низким статусом (например, модератор, не принимающий участие в дискуссии) использует исключительно вежливый стиль речи, не прибегая к стратегии позитивной вежливости, реализуемой при помощи перехода на нейтральный стиль. Коммуниканты разного возраста (пример см. в Приложении 2: участники дискуссии Хирои (56 лет) и Камата (66 лет)) прибегают к переходу на нейтральный стиль неодинаково, коммуникант с более высоким статусом (здесь – старший по возрасту) использует такой переход значительно чаще.

В русской лингвокультуре статусное неравенство явно выражено в именовании собеседника или слушателей: так, нормативной формой именовании собеседника является обращение по имени и отчеству, однако коммуниканты с более высоким статусом (пример см. в Приложении 3) могут использовать редуцированные формы общества или вовсе опускать его, называя собеседников/слушателей по имени (или даже сокращённой форме имени).

В целом можно отметить наличие как сходств, так и различий в предпочтительных стратегиях как маркированной, так и немаркированной вежливости.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Анализ языкового материала показал, что между предпочтительными стратегиями вежливости в устном академическом дискурсе рассматриваемых лингвокультур существуют как сходства, так и различия. Так, в них используются сходные стратегии негативной и позитивной вежливости, направленные на снижение категоричности высказываний и поддержание контакта со слушателями. Тем не менее, такие сходства ограничены, и в целом коммуникативные стили в устном академическом дискурсе в значительной степени подвержены влиянию соответствующих лингвокультур и в целом соответствуют их коммуникативному стилю.

В устном академическом дискурсе японской лингвокультуры используются характерные для японской лингвокультуры в целом стратегии вежливости и коммуникативные паттерны; в частности, используются различные грамматические и лексические средства для снижения категоричности, пейоративная и мелиоративная лексика, а также переход от вежливого стиля речи в нейтральному и наоборот. Специфика академического дискурса проявляется в использовании характерных грамматических форм (форма на *дэ ару*), которую можно рассматривать как стратегию позитивной вежливости.

Русский коммуникативный стиль оказывает заметное влияние на предпочтительные стратегии вежливости, используемые в устном академическом дискурсе: так, в целом русский устный академический дискурс можно охарактеризовать как более импозитивный, прямой и категоричный; при этом в нём отдаётся стратегиям позитивной вежливости. Тем не менее, в то время как для русской лингвокультуры в целом, по указанию Т. В. Лариной, не свойственно использование стратегий негативной вежливости, в устном академическом дискурсе такие стратегии используются довольно часто.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что дискурсивно-интегративные характеристики академического дискурса оказывают влияние на предпочтительные стратегии вежливости, используемые в рассматриваемых лингвокультурах, изложенному в главе 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вежливость представляет собой одну из важнейших коммуникативных категорий, от которой напрямую зависит успешность коммуникации. Изучение вежливости в различных лингвокультурах представляет собой особенно важную и интересную проблему: предпочтительные стратегии вежливости в разных лингвокультурах могут обладать как определёнными различиями, так и некоторыми сходствами, определяемыми конкретным дискурсом, и знание о таких сходствах и различиях помогут избежать коммуникативной неудачи в межкультурном общении.

В первой главе диссертации рассмотрены подходы к пониманию вежливости, предложенные различными исследователями (среди которых Б. Фрейзер, Г. П. Грайс, Р. Лакофф, Дж. Лич). Основное внимание было уделено теории вежливости, разработанной П. Браун и С. Левинсоном; она составила теоретическую основу настоящего исследования. Помимо этого, были рассмотрены работы учёных (М. Усами, Т. В. Ларина), указавших на определённые недостатки этой теории и дополнивших её. Даны определения лингвистической вежливости (универсальная коммуникативная категория, представляющая собой систему национально специфических стратегий поведения, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих ожиданиям партнера) и стратегиям вежливости (выбор тех или иных языковых средств и осуществление речевых актов таким образом, чтобы с их помощью достичь одну из целей коммуникации – сохранение (поддержание) лица коммуникантов).

После этого были рассмотрены языковые средства реализации вежливости в изучаемых лингвокультурах. Были названы типичные лексические и грамматические средства, используемые представителями обеих лингвокультур при реализации стратегий вежливости, а также приведены характеристики коммуникативных стилей данных лингвокультур. Так, было установлено, что японский коммуникативный стиль можно

охарактеризовать как дистантный, уклончивый, направленный на избежание конфликтов; русский коммуникативный стиль – как импозитивный, прямой, категоричный, естественный, ориентированный на содержание (а не на форму).

Далее были указаны основные особенности и характеристики академического дискурса. Дано понятие академического дискурса (совокупность коммуникативных явлений в рамках взаимодействия субъектов научной и педагогической сфер деятельности) и рассмотрены его основные категории, а также дискурсивно-интегративные черты, так или иначе способные оказать влияние на реализацию стратегий вежливости. Данная работа была проделана на основе трудов М. Л. Макарова, В. И. Карасика, Н. Г. Бурмакиной и др.

После рассмотрения особенностей академического дискурса были изучены типичные для него стратегии вежливости и средства их реализации, используемые в обеих лингвокультурах. На данном этапе было отмечено, что, хотя коммуникативные стили академического дискурса несут на себе отпечаток японского и русского коммуникативных этностилей в целом, они также обладают общими чертами.

Во второй главе проведён анализ языкового материала, позволивший выявить предпочтительные стратегии маркированной и немаркированной вежливости в устном академическом дискурсе в японской и русской лингвокультурах. По результатам анализа был сделан вывод о том, что для устного академического дискурса японской лингвокультуры свойственно частотное использование стратегий негативной вежливости («задавайте вопросы, смягчайте прямолинейные высказывания», «используйте косвенную речь» и др.), неимпозитивность, «мягкая» модальность, отсутствие категоричности высказываний. Вместе с тем используется ряд стратегий позитивной вежливости и типичные для данного дискурса грамматические единицы, подчёркивающие групповую принадлежность, а также ряд ликохраняющих актов (согласие, комплимент).

Для устного академического дискурса в русской лингвокультуре характерно использование маркеров групповой идентификации, использование разнообразных стратегий позитивной вежливости («замечайте слушающего, уделяйте ему внимание», «включайте в действие как говорящего, так и слушающего» и др.) и средств их реализации, а также ликосохраняющих актов. Используется ряд стратегий негативной вежливости («используйте косвенную речь», «смягчайте прямолинейные высказывания»); тем не менее, в целом данному дискурсу присуща относительно высокая импозитивность, и при осуществлении ликоугрожающих речевых актов не всегда используются стратегии вежливости для снижения угрозы лицу.

Сопоставление результатов анализа показывает, что между предпочтительными стратегиями вежливости в устном академическом дискурсе в японской и русской лингвокультурах существуют определённые сходства: так, для обеих лингвокультур в данном дискурсе свойственно использование схожих стратегий негативной («используйте косвенную речь», «смягчайте прямолинейные высказывания») и позитивной («подтверждайте общую точку зрения, общее отношение, эмпатию», «используйте маркеры групповой принадлежности») вежливости. При этом обнаружены и некоторые различия, связанные с влиянием коммуникативных этностилей. Так, в русской лингвокультуре даже для устного академического дискурса свойственна большая импозитивность, чем для устного академического дискурса в японской лингвокультуре. Кроме того, в японской лингвокультуре наиболее разнообразно представлены стратегии негативной вежливости, в русской лингвокультуре – позитивной.

В результате проведённой работы были выявлены предпочтительные стратегии вежливости, используемые в рамках устного академического дискурса коммуникантами в обеих лингвокультурах, а также изучены сходства и различия в наборе таких стратегий. Таким образом, поставленные при написании диссертации задачи были выполнены в полном объёме, и цель

работы – сопоставление предпочтительных стратегий вежливости в устном академическом дискурсе японской и русской лингвокультур – была достигнута.

Полученные в результате исследования материалы могут быть использованы в дальнейших исследованиях академического дискурса как в японской, так и в русской лингвокультурах, а также для изучения феномена вежливости и в других видах институциональных дискурсов. Кроме того, данные материалы могут быть использованы для совершенствования коммуникативных компетенций студентов, изучающих японский язык, переводчиков и учёных, работающих в межкультурном академическом пространстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликаев Р. С., Карчаева С. Х. Типологические особенности научного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2009. № 11. С. 61–68.
2. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. [В 2-х кн. Кн. 1.] М.: Наталис, 2008. 560 с.
3. Бурмакина Н. Г. Академический дискурс в теории институциональных дискурсов // Язык. Культура. Общество: Межвуз. сб. науч. тр.: Вып. II / отв. ред. Л.М. Лемайкина; ГОУ ВПО МГУ им. Н.П. Огарева. Саранск, 2010. С. 21–27.
4. Бурмакина Н. Г. Дискурсивно-интегративные и культурно-конвенциональные характеристики академической коммуникации: дис. канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2014. 217 с.
5. Власян Г. Р. Различные подходы к определению лингвистической вежливости. // Вестник Нижневартковского государственного университета, 2010. № 3. С. 29–39.
6. Власян Г. Р. Реализация стратегий позитивной вежливости в разговорном диалоге. // Вестник Челябинского государственного университета, 2015. № 27 (382). Филологические науки. Вып. 98. С. 50–54.
7. Волков Ю. Г., Добренков В. И., Нечипуренко В. Н., Попов А. В. Социология: Учебник // Под ред. проф. Ю.Г. Волкова. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Гардарики, 2003. 512 с.
8. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике, 1985. Вып. XVI. С. 217–237.
9. Давыденко Л. Г., Гаспарян Р. Я., Джавала С. С. Вежливость как неотъемлемое условие успешной коммуникации: общие положения категории вежливости в лингвистике // Science Time. 2015. № 3 (15). С. 133–142.
10. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. Сост. В. В. Петрова; Под ред. В. И. Герасимова; Вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
11. Дроздова Д. Р. Вербальные способы реализации манипулятивных стратегий в академическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. III. С. 95–99.
12. Дроздова Д. Р. Основные манипулятивные тактики в академическом дискурсе // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1 (10). С. 28–30.

13. Дроздова Д. Р. Синтаксические средства языкового манипулирования в академическом дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2015. №2 (153) С.30–35.
14. Зубкова Я. В. Конститутивные признаки академического дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2009. № 5. С. 28–32.
15. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
16. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20.
17. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
18. Коробова Н. В. Принцип такта и стратегии вежливости в речевом общении // Человек. Культура. Образование. 2014. № 2 (12). С. 166–173.
19. Королева М. Ю. Лингвистическая вежливость в английской и русской культуре // Вестник гуманитарного научного образования. 2015. № 6 (51). С. 7–11.
20. Кузьменкова Ю. Б. Английская и русская вежливость в контексте культурных традиций // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 7–17.
21. Куликова Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме // Л.В. Куликова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Монография. Красноярск, 2006. 392 с.
22. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 516 с.
23. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.
24. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
25. Молчанова Л. В. Категория вежливости в японском языке и лингвокультурологические проблемы, возникающие при переводе // Иностранные языки в высшей школе, 2006. № 4. С. 88–98.
26. Ручкина Е. М. Взаимодействие коммуникативных стратегий и стратегий вежливости в аргументативном диалоге // Вестник Чувашского университета, 2008. № 4. С. 236–241.
27. Свиридова Е. В. О принципе вежливости в аргументативном дискурсе // Логико-философские штудии, 2010. № 8. С. 167–175.

28. Толстоногова И. В. Методы изучения устного академического дискурса // Вестник МДУ імя А. А. Куляшова. Сер. А, Гуманітарныя навукі, 2016. № 1 (47). С. 99–103.
29. Хутыз И. П. Академический дискурс как форма институциональной коммуникации: лингвокультурный аспект // В сборнике: Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе Межвузовский сборник научных трудов; отв. ред. А.Г. Пастухов; 2012. С. 102–115.
30. Хутыз И. П. Вопросы классификации культур и их связь с академическим пространством // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты, 2014. № 25. С. 226–233.
31. Хутыз И. П. Лингвокультурные традиции в пространстве академического дискурса: особенности конструирования // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование, 2016. № 3 (23). С. 86–93.
32. Хутыз И. П. Межкультурные вопросы процессов академической мобильности // Теория и практика общественного развития, 2013. №7. С. 65–69.
33. Чалова О. Н. Научная коммуникация как объект лингвистических исследований // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации: сб. научн. трудов под общ. ред. Л.К.Раицкой, С.Н. Курбаковой, Н.М. Мекеко, 2015. С. 783–794.
34. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. тр., 2001. С. 11–22.
35. Швейцер А. Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1978. 216 с.
36. Щелчкова Е.Б. Стратегии позитивной вежливости в дискурсе американцев и русских (на материале речевого акта *Отказ от приглашения*) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика, 2015. № 2. С. 113–123.
37. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
38. Fraser B. Perspectives on Politeness. // Journal of Pragmatics, 14, 1990. P. 219–236.
39. Fujimura-Wilson K. A Cross-Cultural Study of Compliments and Compliment Responses in Conversation. // 英語と英米文学 (49), 2014. P. 19–36.

40. Hanaoka N. Some politeness strategies in Japanese. // *Paper in Linguistics*, 16:1-2, 1983. P. 127–145.
41. 羽成拓史。謝罪発言行為とポライトネスデータ収集方法の差異に着目して (Hanari T. A Study on the Speech Act of Apology and Politeness: Focusing on the Difference in the Data Collection Instruments [in Japanese])// *経営学紀要* 23(1,2), 2016-03. P. 117–131.
42. Haugh M., Obana Y. Politeness in Japan. In: D. Z. Kadar and S. Mills (eds.) *Politeness in East Asia*. Cambridge University Press, 2011. P. 147–175.
43. Haugh M. Revisiting the Conceptualisation of Politeness in English and Japanese.// *Multilingua* 23, 2004. P. 85–109.
44. 石黒圭。大学講義の文末表現の機能：引用助詞「と」で終わる文を例に (Ishiguro T. Discourse Functions of quotation marker to in Academic Speech [in Japanese]) // *一橋大学国際教育センター紀要* (6), 2015. P. 17–29.
45. 伊藤奈津美。動詞の丁寧体否定形式「ません」「ないです」：ポライトネス理論からの検討 (Ito N. The Polite Negative Predicate Verb Forms in Japanese, “masen” “naidesu”: Approach through Politeness Theory [in Japanese]) // *Suzuka International University journal campana* 19, 2013-03. P. 65–80.
46. 熊谷智子。日本語の「謝罪」をめぐるフェイスワーク：言語行動の対照研究から (Kumagai T. Facework in Japanese "Apologies": Contrastive Analysis of Speech Acts) // *東京女子大学比較文化研究所紀要* 74, 2013. P. 21–36.
47. Kumari N. Some Aspects of Linguistic Politeness in Hindi and Japanese // *論叢現代語・現代文化*, 16, 2016-03-31. P. 9–16.
48. Lee 凧子。発話行為の語用論と文法の接点：「修正」の発話行為に見られる配慮表現より (The interface between pragmatics and grammar : Politeness strategy in the speech act of correction [in Japanese]) // *立命館言語文化研究* 27(4), 2016-03. P. 167–175.
49. Leech G. *Principles of Pragmatics*. London: Longman, 1983. 250 p.
50. Leech G., Larina T. Politeness: West and East // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2014. № 4. С. 9–34.
51. Nakazato Y. Cross-Cultural Analysis of Face-Enhancing Acts: The Strategies for Offering in English and Japanese // *東海大学紀要. 海洋学部* 11(1), 2013. P. 11–18.

52. Nobe T., Ikarashi K., Mori S. Politeness and Linguistic Relationship between Speaker and Hearer: From the Perspective of the Three-Tier Model of Language Use // Tsukuba English Studies 33, 2014-10-16. P. 175–178.
53. 尾崎喜光。「誤用」とされる敬語にはどのようなものがありますか。また、人々の実際の意識はどうですか。(Ozaki Y. What makes a “misuse” of keigo and what are the speakers’ real intentions.) [Электронный ресурс] // 国立国語研究所。新「ことば」シリーズ 21 「私たちと敬語」 2008. URL: goo.gl/yMKMMl (дата обращения: 04.05.2016).
54. 三牧陽子。大学で必要とされる日本語 - 「学術日本語」の提案 (Sanmai Y. Japanese required at the university – Academic Japanese project [in Japanese]). // 留学生教育 : 留学生指導センター年報 3, 1995. P. 49–56.
55. 宇佐美まゆみ。異文化接触とポライトネス : ディスコース・ポライトネス理論の観点から (Usami M. Cross-cultural Contact and Politeness from the Viewpoint of Discourse Politeness Theory [in Japanese]) // Kokugogaku : studies in the Japanese language 54(3), 2003. P. 117–132.
56. 宇佐美まゆみ。ポライトネス理論研究のフロンティア : ポライトネス理論研究の課題とディスコース・ポライトネス理論 (<特集>敬語研究のフロンティア) (Usami M. Frontiers of Studies on Politeness Theories: New Trends in Politeness Studies and Discourse Politeness Theory (<Special Issue> The Frontiers of Honorific Research) [in Japanese]) // The Japanese journal of language in society 11(1), 2008. P. 4–22.
57. 宇佐美まゆみ。「ディスコース・ポライトネス」という視点から見た敬語使用の機能 : 敬語使用の新しい捉まえ方がポライトネスの談話理論に示唆すること (How honorific use function in "Discourse Politeness" in Japanese conversation: some implications for a universal theory of politeness [in Japanese]) // Journal of the Institute of Language Research (6), 2001. P. 1–29[含英語文要旨].
58. 宇佐美まゆみ。社会言語・言語生活 (Usami M. Sociolinguistics) // 日本語の研究 (4-3), 2008. P. 88–97.
59. ウェインベルグ・ナジェーシダ、松村瑞子。日本語の「丁寧さ」とロシア語の「ウェジリボシチ」 : 類似点と相違点 (Veinberg N., Matsumura Y. Japanese Teineisa and Russian Vezhlivost': the Similarities and Differences [in Japanese]) // 言語文化論究 (35), 2015. P. 57–69.

60. 徐璐。日本語の敬語使用とポライトネス(Xu Lu. The Use of Honorific and Politeness) // 文明 21 (33), 2014-12. P. 93–102.
61. 柳村裕。ことばの丁寧さの経年変化と社会的要因 : 岡崎敬語調査から(Yanagimura Y. Changes in the Politeness Level of Utterances and Social Factors: A Report from the Okazaki Survey on Honorifics [in Japanese]) // 国立国語研究所論集 8, 2014-11. P. 177–196.
62. 吉川裕子、百武尚子。待遇表現に関する実態調査:九州大学の研究室を対象に (Yoshikawa H., Hyakutake H. Survey on Polite Expressions as used at Kyushu University Campus [in Japanese]) // Journal of Japanese language education methods, 1998. No. 5(1). P. 28–29.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Таблица коммуникативных стратегий вежливости в устном академическом дискурсе японской и русской лингвокультур

Тип угрозы лицу, создаваемой речевым актом	Стратегии вежливости в японской лингвокультуре	Стратегии вежливости в русской лингвокультуре
1. Угроза лицу отсутствует (немаркированная вежливость)	<p>Частотное использование стратегий негативной вежливости «используйте косвенную речь», «задавайте вопросы, смягчайте прямолинейные высказывания», «выводите говорящего и слушающего из дискурса»</p> <p>Использование стратегии позитивной вежливости «подтверждайте общую точку зрения, общее мнение, отношение, знание, эмпатию»</p> <p>Реализация позитивной вежливости посредством перехода от вежливого стиля к нейтральному (стилистическая неоднородность)</p>	<p>Многообразие стратегий позитивной вежливости («замечайте слушающего, уделяйте ему внимание», «подтверждайте общую точку зрения, общее мнение, отношение, знание, эмпатию», «включайте в действие как говорящего, так и слушающего») и средств их реализации</p> <p>Использование стратегии негативной вежливости «задавайте вопросы, смягчайте прямолинейные высказывания» – нехарактерно для русского устного академического дискурса, при этом довольно часто используются языковые средства, повышающие уровень категоричности</p> <p>Стратегия негативной вежливости, форма обращения на <i>Вы</i>, использование имени и отчества</p>
2. Угроза негативному лицу слушающего, создаваемая ликоугрожающими актами:		
2.1. Установление темы	<p>Стратегия негативной вежливости «используйте косвенную речь»</p> <p>Стратегия позитивной вежливости «ищите согласия».</p>	<p>Стратегия позитивной вежливости «включайте в действие как говорящего, так и слушающего»</p>
2.2. Приглашение к дискуссии	<p>Стратегия негативной вежливости «используйте косвенную речь»</p>	<p>Стратегии негативной вежливости «представляйте ликоугрожающий акт как общее правило», «используйте косвенную речь»</p> <p>В ряде речевых актов стратегии вежливости отсутствуют</p>

2.3. Вопрос слушающему	Стратегия негативной вежливости «используйте косвенную речь»	Стратегия негативной вежливости «минимизируйте степень вмешательства»
3. Угроза позитивному лицу слушающего: Критика высказываний/действий слушающего	Стратегии негативной вежливости «используйте косвенную речь», «смягчайте прямолинейные высказывания», «выводите говорящего и слушающего из дискурса»	Стратегии негативной вежливости «извиняйтесь»

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Пример транскрипции научной дискуссии на японском языке

鎌田東二(かまたとうじ)教授退職記念講演会・シンポジウム

「ディスカッション」

ディスカッサント：

鎌田東二 (京都大学こころの未来研究センター・教授)

島藺(しまぞの)進 (上智大学グリーンケア研究所・所長)

河合俊雄 (京都大学こころの未来研究センター・教授)

奥井遼 (日本学術振興会・海外特別研究員/パリ大学)

コメンテーター：広井良典 (千葉大学法政経学部・教授)

2016年2月21日(日)

京都大学医学部芝蘭会館・稲盛ホール

Речевой акт	Комментарий
案内者	
それでは、ただいまより 50 分間の相互とうの開始したいと思います	
え、ディスカッサントは鎌田先生、島藺先生、河合先生、奥井先生の 4 名、そして、コメンテーターとして千葉大学法政経学部・教授の広井広井良典先生に加わっていただきます	
先生方、 <u>よろしくお願ひ申し上げます</u>	
えー、では、総合討の流れは簡単にご説明 <u>させていただきます</u>	ЛИКОУГРОЖАЮЩИЙ АКТ – установление темы
まず、コメンテーターの広井先生のほうから鎌田先生、島藺先生、河合先生、奥井先生のほうへのご講演ご発表の内容に関しまして3分ずつコメントあるいは <u>ご質問いただきます</u>	
それに対しまして、え、鎌田先生、島藺先生、河合先生、奥井先生からお一人5分以内で回答を <u>いただきたいと思います</u>	
<u>そののちに</u> 、鎌田先生から島藺先生、河合先生、奥井先生のご発表の内容に関しまして一分ずつ手短で恐縮ですが、	

コメントを <u>いただきたい</u> と思います	
で、それに対しまして島菌先生、河合先生、奥井先生から3分以内でリスポンスを <u>いただきたい</u> と思っております	
えー、あの一、非常に、あとう、短時間でですね、あの、たくさんのごとして <u>いただく</u> ということになりまして恐縮でございますけれども、あ、このような流れで進めて <u>いただきたい</u> とおもいます	
え、 <u>よろしく</u> お願いいたします—それでは、あ、コメントター、広井先生より、えー、コメントのこと、 <u>よろしく</u> お願いいたします	
広井	
あ、どうも、 <u>ご紹介</u> いただきました、広井です	
まず、何より <u>ですね</u> 、あ、このような <u>素晴らしい</u> 機会に、あ、コメントターを務めさしていただきますこと本当に、あ、 <u>光栄に</u> 思っております	
あ、 <u>先ほど</u> らい <u>ですね</u> 、あ、最初に、あの一、鎌田先生にこの敬意を込めたメッセージを、あ、一言言うというので	ЛИКОСОХРАНЯЮЩИЙ АКТ – комплимент
<u>凄すぎる</u> が、えー、島菌先生 <u>凄すぎる</u> 5文字、河合先生 <u>ヤバい</u> 3文字、で、えー、奥井さんはおらが掛け声で、	
私は、あ、どうなるかということが—問題になるかとおもうんです—実は、あ、 <u>全然困って</u> おりませんで、きょうあとう <u>ですね</u> 、あとう、河合、あ、鎌田先生の敬意を込めて、あ、 <u>緑の服</u> を着て、えー、 <u>まいり</u> ましてですね	
こういうまあ、身体表現をもって、あとう、鎌田先生の〜と <u>させて</u> いただければというふうに思っております	
あ、ま、鎌田先生のほんに、あ、本当に、あ、 <u>影響</u> を受けて <u>かも</u> よくできた、話はちょっと前だとでちょっとふれるかもしれませんがあ、	
前置きはそれぐらいにしまして、あ、 <u>問題に</u> 入らせていただければ <u>と思</u> いますが	ЛИКОУГРОЖАЮЩИЙ АКТ – установление темы
あ、えっと、4人の先生 <u>方</u> の話 <u>ですね</u> 、あ、 <u>非常に</u> 印象深く伺いまし、	ЛИКОСОХРАНЯЮЩИЙ АКТ – комплимент
どれも、あ、共通している部分と <u>ですね</u> 、また <u>非常に</u> この多様な広がりの方が <u>あった</u> が <u>と思</u> いますが	ЛИКОСОХРАНЯЮЩИЙ АКТ – комплимент
あ、まず、あ、最初に鎌田先生の、あ、発表についてですけれども、あ、一つは全体を通じてですね	ЛИКОУГРОЖАЮЩИЙ АКТ – установление темы
あとう、ま、古事記との出会いに始まってあ、 <u>非常に</u> 、あとう、 <u>印象深い</u> お話 <u>だった</u> わけ <u>です</u> が	ЛИКОСОХРАНЯЮЩИЙ АКТ – комплимент
つうていするテーマとして、あ、やはり、自然とか、あとう、 <u>生命</u> ということが <u>あった</u> と思います	
あとう、えー、古事記というのを、あとう、グリーンケアの書として読むことも <u>できる</u> という <u>な</u> 、あ、 <u>非常に</u> 印象深いご指摘	ЛИКОСОХРАНЯЮЩИЙ АКТ – комплимент
<u>があり</u> <u>です</u> ねそれから古今和歌集—春夏秋冬、日本の四季	

それからあのつねにかずこさんや石牟礼道子さんの話もやはり-場所もそうですが、この自然生命というのか <u>ですね、根底にあったと思います</u>	
特に、あの、私、あの—えっと—鎌田先生は 90 年代から <u>ずっと</u> いまして <u>いただいて</u> 、あのう、王道論—老人と子供の話とか <u>ですね</u> いろいろかんかされてきましたが	
特に、あの—インパクトを受けましたのが—	
ま、以前から書かれていること、内容でありますけれどもあの神道とは何かという— <u>php</u> 新書で出ている本ですね—あれの副題が自然のれいせいを感じて生きるという副題がついていまして、自然おれいせいという—このとらえ方に <u>非常に感銘を受けまして</u>	ЛИКОСОХРАНЯЮЩИЙ АКТ – комплимент
つまり、自然というのは単なるこう物質的機械論的なものではなくて、それ自体が、ま、スピリチュアルものを含んでいるそういうハートですね	
で、あのう、—これ、ま、それ自体大きなテーマですけども、ここで、あの、 <u>一つお伺いできれば</u> と思いますのはあの、それがですね、今後はあのいわばこう地球的なレベルといたしますか、日本文化というのを超えて地球的なレベルでも、そういった自然や生命の把握がですね、大きな意味を持って <u>くるのではない</u> か	ЛИКОУГРОЖАЮЩИЙ АКТ – вопрос
であの <u>印象的</u> でしたのは最後のあの神道ソングライターとして歌を <u>歌われた</u> ときもあの—地球の絵が、あの、写真が <u>ですね、出ていました</u> と思います	ЛИКОУГРОЖАЮЩИЙ АКТ – оценка
ですので—それ日本という枠を越えて普遍性を持つ意味でも、あのこの地球というの視点が <u>重要か</u> と思いますけれども、	ЛИКОСОХРАНЯЮЩИЙ АКТ – комплимент
またあの鎌田先生は、あの—平和温度などにも <u>ですね、あの、積極的に</u> かかわって <u>いられています</u> ね	
ま、そのあたり <u>どういうふう</u> に考えてられるというのを <u>お伺いできれば</u> というのが—あの質問となります、はい	ЛИКОУГРОЖАЮЩИЙ АКТ – вопрос
それから、あの、 <u>続きまして</u> ですね、あの— <u>時間が限られて</u> おりますので <u>駆け足</u> になります	ЛИКОУГРОЖАЮЩИЙ АКТ – установление темы
島蘭先生の話も—あの <u>非常に印象強く</u> —伺ったんですが—	ЛИКОСОХРАНЯЮЩИЙ АКТ – комплимент
特にですね、あの、日本における行動を道の持つこうプラス面のみならずあやうさのようなても <u>ですね</u> —指摘されたのが、私これやはり <u>非常に貴重な点</u> だといえますあのう	ЛИКОСОХРАНЯЮЩИЙ АКТ – комплимент
一つは、日本の文化をこう、それだけをこう、切り離して孤立させてとらえるのではなくて、あのう、東アジア全体の <u>ですね、諸思想の大きな文脈</u> のなかでとらえるという視点を <u>提起</u> されたと思います	
私より <u>ほんと大賛成</u> で—そういったあのう—ええ、こう—大きな枠組みの中でですねま、さらに枠こふうどとか、そういったその地域の環境的な特性の中で思想をとらえるという視点が <u>重要か</u> と思いますし	ЛИКОСОХРАНЯЮЩИЙ АКТ – согласие

<p>あともう一つ、あの、島菌先生が、ま、一步間違えるとその道といったものが<u>ですね</u>—この閉鎖的なものになってしまうおそれも—あやうさを持っているというここ<u>指摘も</u>されました</p>	
<p>これはあのう、はい—今日のテーマとして割と、あのう—全体としてある<u>と思います</u>が</p>	
<p>こう、ま、理屈っぽくいいますと共同性とかう普遍性の対立<u>みたい</u>のですね、共同性というこの一つのコミュニティの中で完結したかちというものが</p>	
<p>一方で大事であると同時にそれが閉鎖的なものにならずに開かれたですね普遍的なものになるよりは<u>どうしたらいいか</u>みたい</p>	
<p>そういった点だったと思いますけれども、ま、あの、島菌先生には<u>ですね</u>、そのあたりのこう今後日本のこう展望といますか<u>ですね</u>—ま、そういったこうまよく長所短所も含んだ日本のそういう道の大道の特質が今後も変わらない—ものであり続ける</p>	
<p>それともかなり<u>ですね</u>、えー、いろいろ今後変容していくよう<u>ですね</u>、そういう時代状況になるか<u>みたい</u>なあたりを<u>ですね</u>—<u>伺えばとおもいます</u>はい</p>	<p>ЛИКОУГРОЖАЮЩИЙ АКТ – вопрос</p>
<p>それからの続きまして、あの、河合先生のも—これまた本当にまた、あの、ま、えー、今日は本当それぞれのご発表もあの—<u>印象深く伺ったんですが</u>、あのう</p>	<p>ЛИКОУГРОЖАЮЩИЙ АКТ – установление темы</p>
<p>河合先生は心理療法と心の字を書くというテーマで<u>お話し</u>されましたが</p>	
<p>特に、まあ、私はあのう、科学哲学というのが元々専攻領域と科学のあり方ということと<u>非常にかかわっていた</u>と思<u>う</u>んですね</p>	
<p>じゃ、あのう、一つを河合先生していくさされたのが、ま、</p>	
<p>技術—というのは、あのう—あのう—<u>アートの奥井さん</u>の話にもテクニクスという話がありました—技術は主観ぱら独立したものであり—あるけれども、心理療法というのは<u>したい主観がまさに</u>—こ、決めてというか<u>重要</u>な<u>って</u>く<u>る</u><u>と</u></p>	
<p>それからあのう一つあのう</p>	<p>ЛИКОУГРОЖАЮЩИЙ АКТ – установление темы</p>
<p>シャーマンのようなあの—技法はその割とこう—世界に対して開かれたものであるけれども、特に、ま、近代社会の、その、心理療法自体は近代的な<u>ものともいえるか</u>と思<u>います</u>が、<u>非常に個人に完結した</u>せまいものであるという<u>ですね</u></p>	
<p>で、あのう、確か去年9月のあのシンポジウムでもあのう—ココロのオープンシステムということも、あの、河合先生お知られたと思<u>います</u>けれども</p>	
<p>では、<u>わたくしの質問</u>としては<u>ですね</u></p>	<p>ЛИКОУГРОЖАЮЩИЙ</p>

	АКТ – вопрос
一つはあの前半で言われたあの主観—その話に関してあの—ま	
ケアというテーマがですね—ま、 <u>非常に現代に重要になってきてる</u> ですけど、ケアのこ—標準化とこう—ケアの個別性みたいなことですね—かなり技術となった	
標準化できるものとどうしても個別的なものであって—河合先生の話をも <u>伺っていく</u> となってますが	
こ—個別性の科学といいますかこう—対応性の科学 <u>といいますか</u> —近代科学とは異なる性格をもったこう新しい科学のあり方 <u>みたいなの</u> がですねこう—重要になってくるとのことが浮かび上がっているように、あのう、思えたんですけど、ま、そのあたりどういうふうに科学のあり方 <u>みたいのも</u> —どう <u>考えているのか</u> というの一つと	
もう一つが、あのう、 <u>さっきの</u> 、あの、開いていくということですね—あの—ま、ばかり始まる心理療法ということの話—されたわけですけど、ま、あの	ЛИКОУГРОЖАЮЩИЙ АКТ – вопрос
私自身ちょっとこれ関心に引き寄せたのになりますけれども、その	
そうなるとう、心理療法というもこう一対一の—を—え、ものが、え—、その、え—	
セラピストとクライアントが向かい合うというもの <u>だけではなくて</u> 、例えば、コミュニティーとか <u>ですね</u>	
そういう—そういったものにかかれた場ということを見るとそういうものも重要になってきたり	
そういうかさらに、あの、火山の話も割に放映されましたけど、主体が立ち上がる時にこう火山のような—モチーフが <u>出てくる</u>	
そうなるとうやはりさっきの—自然とか生命力とか <u>ですね</u> —そういったあたりが、あのう、鍵になってくるかな <u>あと思ったり</u> しました—ま、そのあたりをどういうふうに考えておられるというか <u>質問です</u> はい	ЛИКОУГРОЖАЮЩИЙ АКТ – вопрос
それで、あの、 <u>最後ですね</u> 、あのう、奥井 <u>さん</u> の話も、あのう、今までのものしかかる内容で、あの、映像も含めて印象深く拝啓しましたが、あの、フランスのサーカス—との対比で <u>ですね</u>	
で、あのう、私はあの話を <u>伺っていて</u> 、あの、二つのちょっと論点が含まれているの <u>かな</u> と思ったんですけど	ЛИКОУГРОЖАЮЩИЙ АКТ – критика

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Пример транскрипции научной дискуссии на русском языке

Круглый стол

«Рецензия в академической культуре XIX – XX веков»

6 декабря 2016

Участники: П.В. Резвых – ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ)

Речевой акт	Комментарий
с 40:00	
Слушатель	
у меня вопрос, а всё-таки здесь можно провести грань какую-то между рецензией и публицистическим откликом, вот всё-таки...	ЛИКОУГРОЖАЮЩИЙ АКТ – вопрос
П. В. Резвых	
да, вот это <u>очень интересный и важный</u> на самом деле вопрос <u>да</u>	ЛИКОСОХРАНЯЮЩИЙ АКТ – комплимент
<u>понятно, что</u> и в начале девятнадцатого века рецензия выполняла разные функции много разных с одной стороны <u>да</u> но прежде всего, понятно, что она выполняет некоторую популяризирующую задачу	
поэтому многие рецензии, и, кстати, для нас это не очень даже привычно, когда мы читаем рецензии девятнадцатого века, ну для меня, например, было иногда в некоторых отношениях шокирующим опытом	
то они на большие проценты составляют просто, просто подробный пересказ с большим объёмом цитирования	
в некоторых случаях это был пересказ в деталях там всего сочинения, в некоторых случаях это была компиляция из ключевых некоторых вещей, <u>да</u>	
но, скажем, и, кстати говоря, многие крупнейшие рецензенты конца восемнадцатого века, они точно не брезговали совершенным, ну откровенным таким вот комбинированием	
ну, есть, например, замечательная монография претора о Лессинге, где он наглядно показывает что Лессинг, например, значит, имеет такую репутацию одного из самых влиятельных и самых ярких рецензентов своего времени	
но если посмотреть содержание его рецензий сравнить его с содержанием книг, которые он рецензировал и что из них никто теперь не читает	
то легко увидеть, что он в подавляющем большинстве случаев книги просто не читал!	
он читал предисловие <u>да</u> , пересказывал основные тезисы	

предисловия, <u>да</u> , выбирал долго из двух или из трёх мест какие-то цитаты и, так сказать, литературно их очень эффектно оформлял	
поэтому как бы информационная ценность рецензий была разная	
но рецензии <u>да</u> , когда мы рассматриваем новейшую литературу, они были очень обстоятельными, то есть там много было просто пересказа	
и в некоторых случаях рецензент просто делит, вот он говорит: я вот изложил, скажем, вот в немецкой литературной газете один из двух рецензентов делает так, он сначала излагает основные тезисы, а потом говорит: позвольте – мне будет позволено присовокупить некоторые собственные суждения по этому вопросу	
значит, в целом ряде случаев происходило так	
в некоторых случаях происходило по-другому, потому что, <u>скажем</u> , ну, <u>предположим</u> , рецензии Фосса на грейсеровские сочинения это совершенно откровенные памфлеты	
и, кстати, вот этим, этой <u>как бы</u> специфической жанровой особенностью рецензии, <u>да</u> , что она на значительный процент состоит из монтажа цитат, <u>да</u> , этой жанровой особенностью тоже можно было воспользоваться очень по-разному	
ну, мой любимый пример, с которым ... тоже знаком мы вместе им занимались	
в рецензии Иоганна Георга Гамана, <u>да</u> , они, скажем, есть знаменитые три рецензии на трактат гердеровский о происхождении языка	
это совершенно феерическое чтение, потому что это три рецензии, все они состоят на, ну не знаю, семьдесят процентов из цитат, взятых из гердеровских сочинений, <u>да</u>	
но они так смонтированы, <u>да</u> , и таким образом, так сказать, в такой последовательности выстроены, что они создают откровенно бурлесковский эффект, <u>да</u>	
то есть он их просто, так сказать, <u>да</u> , инсценирует как некие вот, <u>да</u> , внутри себя конфликтующие, <u>да</u> , друг с другом	
на высказывании, таким образом, он театр своеобразный создаёт	
то есть так тоже можно было делать, поэтому эта традиция, она была, <u>да</u> , но доля того и другого, пропорции могли быть разными	
вот Гаман, он <u>конкретно</u> превратил рецензию просто в действительно в художественный жанр, причём художественный жанр с, э-э, с очень сложным устройством,	
потому что он, например, вот в случае Гердера он делал так, он написал первую рецензию, потом, значит, от имени одного автора,	
потом написал вторую рецензию, в которой он от имени другого автора критиковал того автора, который написал первую рецензию	
а потом написал третью рецензию, в которой он, глядя на первого и второго, разъяснял, так сказать, в чём их	

противоположные позиции, на самом деле не настолько противоречат друг другу, как могло бы показаться	
то есть это был такой вот высокоинтеллектуальный театр, в котором инсценировались, там, <u>да</u> , позиции, точки зрения	
ну, то есть те вещи, которые потом ...	
то есть граница эта была, но она определялась в зависимости, во-первых, от жанра издания	
в газетном жанре больше себе можно было позволить, чем в литературном ежегоднике	
это всё-таки солидное издание, оно претендовало на академичность, другое дело, что представления о научной норме были разные	
то есть, то, что, предположим, «Крицен» опубликовал у себя, <u>да</u> , в «Штудиен» и вот в литературном ежегоднике рецензии	
то, например, в немецкий ежегодник не взял бы редактор, потому что ну это уже было по их меркам ... какие-то внутри цеха	
и замечательное свидетельство по поводу Бёрнса, который вот с «Штудиен» сотрудничал, в одном из ... писем 1905 года человек, знакомый с первыми публикациями Бёрнса	
и он там пишет: как возможно, что ... видели ли вы сумасшедшую программу Бёрнса?	
как возможно, что таких людей вообще привлекают к сотрудничеству в «Штудиен»	
то есть здесь граница была, но она была очень такой, <u>да</u> , подвижной, прозрачной.	
Слушатель	
Скажите, пожалуйста, изучались ли в рамках <u>Вашего</u> времени, <u>Вашего</u> региона авторецензия?	ЛИКОУГРОЖАЮЩИЙ АКТ – вопрос
Там у <u>Вас</u> многие рецензии скрывались за псевдонимами, <u>нет</u> такого?	ЛИКОУГРОЖАЮЩИЙ АКТ: вопрос
П. В. Резвых	
Ну, здесь, как бы такие вещи...	
Слушатель	
<u>Мы</u> знаем, много раз уже было такое	
П. В. Резвых	
Ну, ... рецензировать свои собственные тексты, которые сами в свою очередь являются рецензиями про...	
дело в том, что существует другой жанр немножко как бы, самоизложение, то есть некие самопрезентации собственного сочинения в виде неких рекламных текстов.	
часто это бывало так, что человек, который например, готовил какое-то важное сочинение, хотел к нему привлечь внимание, он сам публиковал краткую самопрезентацию	
ну вот пример, который мне приходит в голову, один из маленьких фигурантов, с которыми я по долгу службы, значит, имею дело	
московский пастор Карлос де Голль, он стремился продвигаться на, значит, на поприще теологических всяких дискуссий в немецкоязычном пространстве, он написал в 1845 году знаменитую, ну, не знаменитую, занудную на	

самом деле книжку под названием, значит, «вечные факты», где он с Гегелем и с Шеллингом полемизировал	
и он очень хотел, чтобы к этой книжке привлекли, было привлечено внимание.	
и он договорился с издателем теологической газеты, там была специальная, эээ, газета теологической критики, чтобы тот напечатал его собственную статью об этой книжке.	
это был, так сказать, краткий автореферат, в котором не столько академические задачу она не выполняла, скорее рекламные	
но такого рода рекламные тексты, они делались, и это была довольно распространённая практика.	
другое дело что, то есть, и это можно было вполне открыто сделать	
то есть «вот, я написал, хотите, обратите внимание, <u>да</u> , это вам»	
вот такие вещи делали <u>довольно, довольно</u> часто, и это, в общем, институционализированная была	
Модератор	
Так, ну у меня тогда вопрос	ЛИКОУГРОЖАЮЩИЙ АКТ: вопрос
я тут смотрю на Сергея Валерьевича Эрлиха, который сидит рядом с Вами, издаёт журнал «Историческая экспертиза», и <u>думаю</u> , а принял ли бы он такие разгромные рецензии и вообще обрадовался ли бы он им	
но дальше я <u>думаю, что</u> это история фигур первой величины, Грейзер, или Гердер, или Шеллинг,	
<u>а если говорить о рецензиях на рядового учёного, так, как писались такие рецензии, и вообще писались ли они...</u>	ЛИКОУГРОЖАЮЩИЙ АКТ: вопрос
П. В. Резвых	
Они на самом деле писались, <u>да</u> , писались	
потом, ну, это, <u>понимаете</u> , что значит рядовой учёный	
ну, там, допустим, есть, то есть, просто, многое зависит, ну, <u>как бы</u> , от, как это называется, соразмерность реакции, <u>да, она не зависит часто, она не всегда зависит от значения, она не всегда связана</u> со значением конкретного автора.	
мне очень нравятся слова Гейне о Лессинге	
Гейне к истории философии крайне принципиален, о Лессинге замечательную вещь говорил	
он говорит, значит, «обо многих из полемических оппонентов Лессинга мы бы сегодня ничего не знали, если бы скалы, которые он в них метал, не служили бы им надгробными памятниками»	
то есть часто на вполне заурядных авторов, которые, как например, Клоц, там, <u>да</u> , человек, у которого полемический темперамент, он реагировал соразмерно	
а иногда бывало наоборот, когда хороший труженик академического цеха, там, предположим, классик-филолог, который нашёл, там, пять новых надписей греческих, и они что-то новое нам говорят об ассирийском культе, как вот Фридрих Мюнтер, известный филолог, антиквар, который	

жил в Копенгагене, писал по-немецки	
Он нашёл несколько надписей об ассирийских божествах, их опубликовал	
поскольку это была такая горячая дискуссия, особо полемизировать там было не о чём, потому что это просто новый материал, <u>да</u>	
но, разумеется, все на него пооткликались и все, все, <u>разумеется</u> , как-то это замечали.	
поэтому старались, на самом деле, вот если бы я, как-то раз был у меня такой опыт, я подумал, посмотрю я ... литературную газету, там, за два месяца или за три.	
И видно, что там довольно старательно и аккуратно всё, что более или менее недавно на книжных ярмарках появилось за последние полгода, <u>да</u> , всё, так сказать, обратно всё рецензировалось вот по этим иероглифам	
но, правда, тут ещё литературная продукция была, конечно, несопоставима с современной, <u>да</u> , поэтому действительно можно было обозреть, <u>да</u>	
но, как правило, рецензия на второразрядного автора, <u>да</u> , она носила больше информационный характер, конечно, чем академический	
ну, потому что и притязания к автору другие	
хотя вот в случае с ..., например, ситуация тоже забавная	
понятно, что он, допустим, опубликовал теологические трактаты, каких было тогда, ну их пекли, там, как булочки, такие теологические сочинения	
но и реакции были соответствующие, человек говорит, что он, <u>как бы</u> , наконец-то нашёл новый способ примирить веру и разум, <u>да</u> , а рецензент его ставит на место	
и говорит, что вот ты знаешь, а до тебя уже стоко-стоко-стоко-стоко есть конкурентов, <u>да</u> , и они все примерно то же самое говорят, даже не очень понятно, чем вы отличаетесь.	
<u>да</u> , то есть такие вещи тоже были.	
а приняли бы сегодня такую рецензию	
интересный вопрос	
но, правда, <u>да</u> , правда, <u>надо сказать</u> , что, <u>конечно</u> , и в принципе в первой четверти девятнадцатого века эτος полемики научной, он, <u>конечно</u> , был другой, <u>да</u> ,	
то есть ни про какую политкорректность никто не думал, и, <u>как бы</u> , когда речь шла о принципиальных вопросах, то могли и так друг друга приложить, что,	
то есть это доходило действительно до прямых оскорблений и часто, ну вот в случае Лессинга, до таких почти обценных намёков	
то есть, это <u>как бы</u> была очень-очень такая практика, очень жёсткая в некоторых случаях	

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации
45.04.02 Лингвистика
45.04.02.01.00 Межкультурная коммуникация и перевод

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
О.В. Магировская
» июль 2017 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**СТРАТЕГИИ ВЕЖЛИВОСТИ В АКАДЕМИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ**
(на материале научных дискуссий на японском и русском
языках)

Магистрант

Ю. С. Иванова

Научный руководитель

канд. филол. наук,
Е. В. Чистова

Консультант по
японскому языку

ст. преп. И. А. Рабцевич

Нормоконтролер

М. К. Мжельских

Красноярск 2017